

Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«ИНО-Центр
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Калининградский государственный университет
Балтийский межрегиональный институт общественных наук
«Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее»

Регион сотрудничества

Выпуск 17 (42)

Регион в условиях глобализации

Калининград
Издательство КГУ
2004

УДК 338.24:911.3(470.26)
ББК 330.49(2Р31-4К)
Р 325

Редакционная коллегия:

А.П. Клемешев (общая редакция), *А.Г. Степанов*,
проф. *Г.М. Федоров*, проф. *В.Г. Барановский* (Москва),
проф. *С.Д. Козлов*, доц. *В.С. Корнеев*,
проф. *С.В. Кортунов* (Москва), проф. *А.Е. Шаститко* (Москва).

Печатается по решению Совета научных кураторов
программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

Р 325 Регион сотрудничества. Вып. 17 (42): Регион в условиях гло-
бализации / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во
КГУ, 2004. — 74 с.
ISBN 5-88874-570-7

Данный выпуск посвящен развитию Калининградской области в услови-
ях глобализации.

Издание адресовано экономистам, политологам, специалистам в области
регионального управления, бизнесменам — широкому кругу специали-
стов, исследующих место Калининградской области в процессе глобали-
зации.

УДК 338.24:911.3(470.26)
ББК 330.49(2Р31-4К)

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5-88874-570-7

© Коллектив авторов, 2004
© АНО «ИНО-Центр (Информация.
Наука. Образование)», 2004

Содержание

От редакции	4
<i>Клемешев А.П.</i> Регион, регионализм и регионализация	5
<i>Чекалина Т.Н.</i> Регион и регионализация. Трансграничные регионы. (Подход скандинавских авторов)	16
<i>Гареев Т.Р., Жданов В.П.</i> Обзор современных теорий интернационализации	32
<i>Алимтиева А.В.</i> Эксклавный российский регион: проблема социальной идентичности	45
<i>Абрамов В.Н.</i> Типичное и специфическое политического развития Калининградской области в постсоветский период	57

От редакции

Выпуск 17 (42) серии «Регион сотрудничества» подготовлен Балтийским межрегиональным институтом общественных наук при Калининградском госуниверситете в рамках проекта «Российская Балтика: приграничное сотрудничество и миграции населения».

В серии «Регион сотрудничества» продолжается публикация статей по проблемам взаимодействия Российской Федерации и стран зарубежной Европы, прежде всего Европейского союза, и особенно стран Балтийского региона. Основное внимание уделяется роли Калининградской области как пилотного региона сотрудничества. К обсуждению проблем общеевропейского сотрудничества приглашаются другие Межрегиональные институты общественных наук, Московский и Санкт-Петербургский ресурсные центры, а также все российские и зарубежные эксперты, занимающиеся подобной проблематикой.

Данный выпуск посвящен развитию Калининградской области в условиях глобализации.

А.П. Клемешев

Регион, регионализм и регионализация

Понятие региона

Для определения и конкретизации научной парадигмы региональных исследований большое значение имеет дефиниция ключевого понятия «регион». Но в определении понятия «регион» не только нет единообразия — подходы часто различаются кардинальным образом. Регион стал понятием, конструируемым в зависимости от конкретных целей географов, экономистов, социологов, политологов, экологов, представителей разных наук, изучающих этот пространственный феномен. Разные исследователи, ставящие перед собой неодинаковые цели и изучающие разные процессы, не могут трактовать это понятие одинаково. Поэтому вряд ли возможно дать определение региона, которое устроило бы абсолютно всех: «расплывчатость термина означает, что он лавирует между несколькими школами, не интегрируя их. Как элемент государственного администрирования, регион является предметом изучения национальной истории; как “город-регион” он входит в городскую историю; как “национальная культура” он включен в политическую историю народов, добивающихся создания собственного государства; как “промышленный регион” он — часть экономической истории»¹.

¹ *Harvie C. The Rise of Regional Europe. London and New York: Routledge, 1994. P. 5.*

Неодинаковы и критерии выделения регионов. Принципиально различаются регионы, выделяемые на основе признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) — с другой.

Регионы, выделяемые на основе гомогенности, представляют собой любую однородную в каком-либо отношении территорию. Физико-географические характеристики служат основанием для выделения природных регионов. Если для исследователя ключевым является «человеческое измерение», то для выделения регионов используются экономические, социальные, демографические, политические характеристики. Это формальные регионы с наиболее «рыхлой» конструкцией. Характерным признаком гомогенного региона является одинаковая реакция всех его частей на внешние изменения².

Когерентные (функциональные) регионы определяются на основе системообразующих связей, объединяющих регион в единое целое. Такой регион состоит из территорий, которые в большей степени взаимодействуют друг с другом, чем с внешними территориями. Критерием для выделения функционального региона является степень экономической, социальной, политической взаимозависимости составляющих его элементов. Как правило, такие регионы имеют ядра (предприятия и организации, города, агломерации), вокруг которых и формируются регионы³.

В отечественной литературе на основе однородности выделяются *зоны (зонирование)*, на основе комплексности — *комплексы*, на основе сочетания этих двух признаков, однородности и комплексности, — *районы*⁴. Все эти три понятия подпадают под определение *региона*.

² Hoover E.M., Giarratani F. An Introduction to Regional Economics. The Web book of regional science, Regional research Institute, West Virginia University. <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Giarratani/chapternine.htm#9.1>.

³ Van der Velde B., Martin R. So many regions, so many borders. A behavioural approach in the analysis of border effects. Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association, Rome, Italy, August 26—29, 1997.

⁴ См.: Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 66—67.

Территориально-производственный комплекс (ТПК) с жесткими производственными связями между его элементами как разновидность когерентных регионов, выделенных на основе функциональных признаков, наиболее ярко отражает традиции советской региональной школы. Социально-экономический район как более широкое понятие отличается от ТПК только количеством учитываемых связей — добавляются социальные, демографические, отчасти политические связи; сам же характер этих связей остается, по сути, функциональным.

С точки зрения западных экономистов важным атрибутом региона является общее осознание общественных региональных интересов, что в свою очередь позволяет осуществлять некие рациональные коллективные меры, направленные на повышение благосостояния региона. Общность этих интересов может выражаться в различных формах, однако существенным фактором является взаимосвязь между экономическим опытом территорий, входящих в состав региона, и группами, выражающими те или иные интересы. Регион рассматривается как некая единица, которая определенным образом реагирует на изменяющиеся условия, воздействующие на экономический рост и благосостояние⁵.

Границы регионов, выделяемых по тем или иным признакам, могут совпадать, но чаще не совпадают с административными границами (то есть с границами регионов, выделяемых по политическому признаку). Это следует учитывать в практике территориального управления, когда регионы рассматриваются как административно-территориальные единицы.

В документах Евросоюза, который проводит политику «Европа регионов», под термином «регион» понимается культурный, экономический, социальный, административный регион⁶. В рамках региональной, структурной политики и политики конвергенции ЕС под регионом чаще всего понимается административный регион, т. е. область, объединенная по управленческому принципу и обладающая едиными полномочиями. Главное значение при

⁵ Hoover E.M., Giarratani F. *Op. cit.*

⁶ Вайденфельд В., Вессельс В. Европа от А до Я: Справочник европейской интеграции. Рига, 2000.

этом имеет первый административный уровень по отношению к государственному уровню. Например, в Германии это федеральные земли, в Польше — воеводства.

Среди многих российских ученых, занимающихся региональной проблематикой, регион рассматривается как субъект Российской Федерации. Так, В.Г. Игнатов и В.И. Бутов дают следующую трактовку понятия: «Регион — территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления»⁷. В конце концов оказывается, что регион — это просто субъект Российской Федерации. Соответственно *регионоведение* — наука, их изучающая.

Кроме того, термин «*регион*» используется для обозначения территории, охватывающей несколько государств или административно-территориальных единиц соседних государств. Это *интер-*, или *мультинациональный*, регион, например регион Балтийского моря (Baltic Sea Region)⁸.

Регионы, имеющие в странах ЕС в рамках общих правил значительную самостоятельность (вследствие обладания значительными финансовыми ресурсами и наличия регионального законодательства), могут проводить собственную экономическую политику; объединяясь с соседними регионами других стран в *еврорегионы*, они в состоянии образовывать подпространства внутри экономического пространства ЕС⁹.

Итак, можно согласиться, что «иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом,

⁷ Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Изд. центр МарТ, 1998. С. 18.

⁸ Ryden L. The Baltic Sea Region and the relevance of regional approaches // The Baltic Sea Region. Culture, Politics, Societies, Ed. Witold Maciejewski. Uppsala, 2002. P. 7.

⁹ Попытки включения в состав еврорегионов российских регионов, не имеющих серьезных финансовых средств и реальных возможностей принимать самостоятельно значимые региональные законы, не приводят к сколь-либо значимым результатам.

изучением которого мы занимаемся»¹⁰. Но исследователь, принимая в качестве исходной собственную трактовку этого понятия, должен быть знаком с его различными определениями. Иначе могут возникнуть недоразумения, вызванные различиями используемого терминологического аппарата и понятий, применяемых другими научными школами.

Объективное и субъективное в определении региона

Можно выделить два главных вопроса, на которые при разном понимании региона даются принципиально различные ответы. Во-первых, существуют ли регионы объективно, или это только методологический прием в интересах конкретного исследования? Во-вторых, является ли первичным регионообразующим фактором территория, или она — лишь своего рода фон (пространство), на котором в ходе взаимодействия экономических, социальных, политических и иных факторов формируется регион?

В отечественной географической литературе под регионом долгое время понимался определенный таксономический уровень *районов* — макроуровень: как о регионе речь могла идти о Европейской части страны, Сибири, Дальнем Востоке. Основопологающим считался термин «район», с которым и ассоциировалось употреблявшееся в зарубежной литературе понятие «region». Поскольку в таких науках, как экономика, политология, социология, региональные направления были неразвиты и они обходились без понятия «регион». И лишь в 1970-е годы, с возникновением сначала региональной экономики, а затем и региональных направлений в других общественных науках, в отечественную научную практику стало проникать это понятие, появившееся затем в новом смысле и в экономгеографии. Но до сих пор в отечественной литературе даже в каждой отдельной отрасли научных знаний, не говоря уже обо всей системе региональных наук, нет однозначного определения региона. Нет его, впрочем, и за рубежом.

¹⁰ *Isseman A.M.* Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // *The Review of Regional Studies*. Vol. 23. № 1. Summer 1993. P. 5—6.

Советские исследователи в силу монополизации понятия «район» для целей планирования вынуждены были довольствоваться его жестким определением как наиболее комплексной социально-экономической общности, при всех модификациях восходящим к Н.Н. Баранскому¹¹.

Более широким является подход к регионам Ю.Н. Гладкого и А.И. Чистобаева — как к разнообразным, относительно целостным территориальным образованиям, а к регионоведению — как к синтезу научных знаний о регионах. То есть речь идет об изучении структуры различных пространств (географического, экономического и т. д.) с помощью регионального анализа¹².

Но А.Ю. Скопин, проведший сопоставление традиционного для российской региональной науки понятия «район» и западной традиции понимания *региона*, на наш взгляд, заблуждается, пытаясь провести линию раздела между «объективно существующим» районом и субъективно «выделенным для исследований или конкретных социально-экономических задач» регионом¹³.

Казалось бы, можно согласиться с У. Изардом, который утверждает, что регион как понятие возникает лишь с конкретизацией задачи¹⁴, и А. Иссерманом, считающим, что регион детерминирован изучаемым вопросом. В самом деле, если регион представляет собой *территорию*, обладающую определенными характеристиками, то эти характеристики могут различаться в зависимости от критериев, используемых исследователями. В то же время буквально все советские исследователи говорили о наличии объективно существующих районов. Такая точка зрения господствовала не только в советское время, беря методологические истоки в марксистской материалистической теории, вульгарном экономизме. Нельзя не согласиться с Ю.Н. Гладким, А.И. Чистобаевым, утверждающими, что она превалирует и сейчас¹⁵.

¹¹ Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980.

¹² См.: Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. М.: Гардарики, 2002. С. 5, 31.

¹³ Скопин А.Ю. Введение в экономическую географию. М.: Владос, 2001.

¹⁴ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.

¹⁵ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Указ. соч.

Развитие *регионализма* в Европейском союзе, усиление внимания к местному самоуправлению и поддержке регионов в рамках общеевропейской политики привели к появлению на Западе такого понимания термина «*регион*», которое *по форме* приближается к характерному для российской региональной науки. Регион все чаще рассматривается как всеобъемлющий *территориальный* комплекс, субъект и объект управления¹⁶.

Практические задачи территориального управления, стоящие перед федеративной Канадой, отражает мнение канадца Р. Боне о том, что фундаментальной задачей региональной науки является разделение сложного мира на небольшие по размеру и более управляемые пространственные единицы, называемые «*регионами*»¹⁷.

Подчеркивая роль понятия «*регион*» в управлении, некоторые исследователи даже его происхождение начинают объяснять не только в традиционном ключе — от латинского *regio* (направление, граница), но и от *regere* (вести, направлять, управлять). Тем самым подчеркивается, что семантика данного понятия имеет две взаимосвязанные составляющие: основную — пространственную и метафорическую, подразумевающую чувство власти¹⁸.

Анализ главных положений теории экономического районирования Н.Н. Баранского, выполненный Э. Брюна¹⁹, показывает, что различия советского и западного подходов заключаются скорее в характере выполняемых исследователями задач, вытекающих из принципиальных различий, — с одной стороны, административно-командной, с другой стороны, рыночной экономики.

¹⁶ См. например: *Regional and Local Powers in Europe. Employment, Social Policy, Environment, Transport and Vocational Training*. Brussels: Committee of the Regions, 2002.

¹⁷ *Bone R.M.* The Regional Geography of Canada. Toronto: Oxford University Press. Second edition, 2001.

¹⁸ *Maciejewski W.* On the emergence of the Baltic Sea region and the reading of the book. In: *Maciejewski, Witold (Ed.) The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*. The Baltic University Press, Uppsala, 2002.

¹⁹ *Brunat E.* Regional science and the concept of the region: introductory elements // *Russia and Regional Development. Western theories and Russian Problematics*, in E. Brunat, I. Samson ed. *Les Cahiers de l'Espace Europe* № 6, Université Pierre Mendès France, Grenoble, 1994. P. 17—28.

А «объективно существующий природно-социально-хозяйственный комплекс — район», использовавшийся советской наукой для конкретных целей административно-командного управления территорией, есть частный случай всего многообразия регионов. Поэтому, на наш взгляд, не в соотношении объективного и субъективно кроются главные различия в подходах к понятию «регион».

И «объективно существующий» район выделяется исследователем, то есть имеет субъективный характер. И, в свою очередь, «субъективно выделяемый» регион является отражением реально существующих социально-экономических особенностей территории.

Принципиальные различия заключаются в разных подходах к определению соотношения понятий «регион» и «территория». Эти различия сформировались исторически и обусловлены особенностями процессов регионообразования в западной Европе и России. Как отмечает И. Бусыгина, «оформившиеся еще в Средние века территориальные сообщества (региональные и местные) не только не растворились в нации-государстве, но сохранились и ныне выходят из его тени»²⁰. Отражением этого процесса является получившее распространение понятие «Европа регионов».

Социально-территориальные общности в России, формировавшиеся на основе древнерусских княжеств, подверглись сильному разрушению в ходе сложного процесса государственного строительства в стране. Особенно сильное доминирование центральной власти в противовес ослабленному местному самоуправлению (ставшему, по сути, частью государственного механизма), частые административно-территориальные преобразования в XX веке и произвольное установление границ регионов не способствовали столь же успешному формированию относительно самостоятельных территориальных сообществ, как на западе Европы. Поэтому само понятие социально-территориальной общности в отечественной науке появляется в связи с изучением не исторических территориальных общностей населения, а городов, которые оказываются в центре внимания в связи с концентрацией социальных связей²¹.

²⁰ Бусыгина И. Территориальный фактор в европейском сознании // Космополис. 2002/2003. №2. С. 61.

²¹ См.: Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Л.: Наука, 1979.

А. Маркузен определяет регион как синтетическое понятие, «исторически эволюционирующее компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое содержание, социоэкономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация»²².

При таком подходе именно региональные идентичности рассматриваются в качестве своеобразного ключа к конструированию региона как политического, социального и институционального пространства²³. Территория выступает условием, но не причиной формирования региона.

Можно назвать и концепции, в которых роль территории в развитии социальных связей недооценивается и даже игнорируется. Так, по мнению Э. Дюркгейма, «народ тем дальше продвинулся вперед, чем более поверхностный характер в нем имеют территориальные разделения»²⁴. Однако сейчас преобладает иная точка зрения. Это объясняется дальнейшей поляризацией экономического и социального пространства, подтверждаемой эмпирически, с одной стороны, и усилением региональной политики на государственном и межгосударственном (Европейский союз) уровнях — с другой. Речь идет о рассмотрении региона как определенного единства, обусловленного его структурой, внутренними связями.

С позиций социальных связей в качестве существенного связующего звена между людьми и регионом рассматривается *чувство места*. На основе сочетания физических и социальных характеристик региона, его истории формируются психологические узы, определяющие *идентичность* населения конкретной территории. Концепция чувства места предполагает, что люди, населяющие регион, пережили определенный коллективный опыт, на основе которого формируются общие устремления, интересы, цели и ценности. Со временем такой опыт трансформируется в

²² Markusen A. Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987.

²³ Keating M. The new regionalism in Western Europe. Cheltenham, UK, 1998. P. 85.

²⁴ Дюркгейм А. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 179.

некое общественное единение людей, живущих в пределах данной единицы пространства²⁵. На основе такого подхода формируется трактовка региона Ф. Броделя, которую А. Макарычев назвал философской: регион является аналогом особого «мира» с присутствием только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением²⁶.

Регионализм и регионализация

Соответственно различному пониманию региона по-разному трактуется и регионализм: «Есть важное различие между регионализмом как политическим курсом или совокупностью политических курсов, регионализмом как идеологией государственного вмешательства и регионализмом как организационной основой для защиты периферийных территорий»²⁷.

Во-первых, регионализм — это естественный, органичный принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ, «факт существования в стране районов со значительными природными, хозяйственными, социальными и этнокультурными различиями»²⁸. В этом смысле регионализм находит отражение в таких категориях, как социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; экономическая взаимодополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории; совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность²⁹.

²⁵ Bone R.M. Op. cit.

²⁶ Материалы «Круглого стола» «Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования», Московский центр Карнеги // www.kennan.yar.ru/materials/prefi2/part1/sect.

²⁷ *Territorial Politics in Industrial Nations* / Ed. by Sidney Tarrow, Peter J. Katzenstein, Luigi Graziano. New York, London: Praeger Publishers, 1978. P. 98.

²⁸ Машибуц Я.Г. Основы страноведения. М., 1995.

²⁹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*. Vol. 21. № 4. October 1995. P. 333.

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ, а значит, создает условия для рационального распределения компетенции власти и производственных ресурсов среди различных групп населения.

Регионализм в глобальной экономике — это, прежде всего, дифференцированное размещение различных типов труда, а именно: высокопроизводительного информационного труда; высокоэкстенсивного низкооплачиваемого труда; сырьевого труда и обесцененного труда. Поэтому можно сказать, что регионализм внутренне присущ всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т.д.³⁰ Согласно М. Кастельсу, «критически важная проблема состоит в том, что наличие этих разных типов труда не совпадает с делением по странам»³¹. Поэтому *глобальная экономика является все более регионализированной*.

Регионализм в политике — это проблема распределения властных полномочий между общегосударственным и региональным уровнями управления. С точки зрения А. Макарычева важность регионализма особенно остро чувствуется и в теории, и на практике теми странами, которые пытаются создать сбалансированные федеративные отношения и обеспечить демократизм в условиях децентрализации властных полномочий³².

Регионализм в данном контексте может выражаться двояко. С одной стороны, это отстаивание интересов региона в его отношениях с вышестоящими органами управления, то есть чаще всего с государством. Такого рода регионализм определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией. С другой стороны, часто имеет место целенаправленная и активная деятельность государства и наднациональных институтов (СНГ, ЕС и т.д.) по регулированию регионального развития. Такого рода ре-

³⁰ Lerner D. Some Comments on Center — Periphery Relations // Comparing Nations. The Use of Quantative Data in Cross — National Research / Ed. by Richard L. Merritt and Stein Rokkan. New Haven and London, Yale University Press, 1966.

³¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.

³² См.: Материалы «Круглого стола»...

гионализм отражает государственные (или надгосударственные) интересы на конкретной территории.

Регионализм может рассматриваться как общее наименование различных концепций и стратегий, направленных на рациональное использование пространственных различий, существующих внутри государств, и повышение роли региона в территориальном разделении труда либо на компенсацию неблагоприятных условий его жизнедеятельности. То есть в таком понимании регионализм трактуется «как подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона»³³.

Для правильного понимания регионализма в отечественной региональной науке следует преодолеть те недостатки, которые были характерны для административно-командной системы. Рыночная экономика имеет дело с функциями, тогда как административно-командная — с объектами. В настоящее время необходимо не только привнести функциональный элемент в определение региона, но и исходить из него в понимании регионализма. В противном случае управление региональным развитием будет вновь пытаться основываться на директивных предписаниях хозяйствующим субъектам, а не на рыночном регулировании условий хозяйствования, на попытках управлять социальным развитием бюрократическими предписаниями, а не путем расширения самоуправления граждан.

Усиление регионализма, **регионализация**, может быть активной и пассивной³⁴. Первая из них — целенаправленная деятельность по формированию региональных политических институтов. Вторая представляет собой процесс формирования региональной идентичности под воздействием общей географии, истории, культуры региона. С течением времени при определенных условиях (ослабление связей с Центром, экономический и социальный кризис, межэтнические противоречия и др.) пассивная регионализация может перерасти в активную (это происходило, например, в Российской Федерации в первой половине 1990-х гг.).

³³ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Указ. соч. С. 27.

³⁴ Там же. С. 28.

Регионализация имеет существенный конфликтогенный потенциал, поскольку она сама порождена противоречиями между Центром и регионами. Активная регионализация нередко находит свое выражение в сепаратизме. Таким образом, регионализация может вызывать определенные опасения на общегосударственном уровне управления (что можно видеть в современной российской практике — имеется в виду попытка упрочения «вертикали власти»). Однако без достаточной степени регионализации эффективно управлять территорией невозможно. Таким образом, ключевым становится вопрос распределения функций и полномочий между различными территориальными уровнями управления.

Т.Н. Чекалина

Регион и регионализация.

Трансграничные регионы

(Подход скандинавских авторов)

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия и Финляндия), ключевые участники одной из наиболее влиятельных групп европейских государств — так называемого «Северного измерения», формируют уникальный европейский регион. Оставаясь периферийной территорией современной Европы (географически удаленной от центра, характеризующейся относительно низкой транспортной доступностью и низкой плотностью населения), страны Скандинавии смогли преодолеть основные проблемы, возникающие в результате периферийного положения [3]. Сегодня скандинавские государства характеризуются высоким уровнем ВВП на душу населения, высокими стандартами качества жизни и значимой ролью в политической жизни Европы. Роль скандинавских государств особенно подчеркивается в контексте нового этапа развития наиболее динамичного региона в Европе — региона стран Балтийского моря.

Можно высказать предположение, что устойчивое положение скандинавских государств в современной Европе во многом обусловлено особой ролью, которую играет в этих странах региональная политика на различных уровнях. Данная работа, в которой рассматриваются понятие «регион» и его производные, является первым этапом доказательства данной гипотезы.

Определение понятия «регион»

Слово «регион» сегодня является интернациональным. Оно происходит от *regionalis* (лат.) и связано с такими латинскими словами, как *regio* (направление, граница) и *regere* (вести, направлять, управлять). Семантика данного понятия имеет две взаимосвязанные составляющие: основную пространственную и метафорическую, подразумевающую чувство власти [10].

Регион представляет собой территорию, обладающую определенными характеристиками. Эти характеристики могут различаться в зависимости от критериев, используемых географами, биологами, историками, политологами, экономистами и т.д. В рамках различных подходов регионы могут создаваться на основе объективных (например, природных) или субъективных (идентичность) факторов, возникать в силу различных исторических процессов, являться некими искусственными научными или административными конструкциями, формируемыми для определенных исследовательских или управленческих целей [1].

Одно из основных свойств регионов — наличие границ. Административные государственные границы являются очевидным способом структурирования мира в наше время. В то же время необходимо принимать во внимание и другие «демаркационные линии» — помимо установленных в рамках политических процессов [12].

Граница — это линия, обычно в пространстве, на которой определенные условия перестают действовать и замещаются другими. В природе границы обозначаются разделением определенных физических состояний (молекулярной структуры): например, граница между водой и воздухом на поверхности моря, древесина и кора в стволе дерева или кора и воздух в лесу. Однако природные границы почти всегда изменяются во времени и в пространстве, и в значительной степени природа состоит из различных сочетаний, которые существуют именно в силу того, что это сочетания. Например, биотопы — это регионы, характеризующиеся определенным набором растений и животных. Однако граница биотопа практически никогда не бывает четкой. Напротив, происходит постепенный переход одного биотопа в другой. Зна-

чально человеческие сообщества были, скорее всего, частью этих биотопов, так же как медведи или мигрирующие птицы. Перемещаясь в пространстве и времени, люди адаптировались к окружающей среде, оптимально подходящей для выживания и воспроизводства [10].

Примерами регионов, выделяемых на основе таких физических характеристик, как ландшафт или водные объекты, могут быть континенты, острова, прибрежные территории, озера и реки, горы, пустыни, леса, равнины и т. д. Именно эти характеристики обычно используются в региональной географии. Биология (жизненные формы, населяющие планету) часто лежит в основе отдельной группы характеристик, используемых для структурирования мира и выделения регионов. Биологи выделяют зоны обитания, населенные определенными видами животных и растений. В биологии также рассматриваются биогеографические зоны, вегетационные зоны (биомы). Примерами таких зон являются арктическая зона, тайга, зона широколиственных лесов в северной Европе, тропические леса, пустыни и т. д. [12].

Границы организованного общества в корне отличаются от границ, рассмотренных выше. Организация означает структурирование и направление, когда индивиды и сила направляются на достижение определенной цели, что требует установления границ как для поставленных задач, так и для пространства, на котором будут осуществляться определенные действия [10].

Новые подходы к понятию «регион» возникли в результате переоценки роли пространства в общественных науках [11]. Скандинавская традиция изучения регионов акцентирует необходимость анализа самого процесса «создания» регионов в рамках различных научных дисциплин. Регионы создаются людьми — для различных целей. Ключевым словом для определения понятия региона является идентичность — культурная, экономическая, социальная, политическая и т. д., которая позволяет осуществить выделение определенной территории на основе каких-либо общих характеристик или интенсивности взаимодействия [1].

Между различными принципами выделения регионов существуют интересные взаимосвязи. Так, пустыни являются географическими территориями, которые характеризуются совершенно осо-

бенными биологией и населением (часто кочевниками). С другой стороны, очевидно, что культура, экономика и жизненные условия населения в целом определяются физическими условиями и биологическими характеристиками территории. Таким образом, если регион выделяется согласно одному из представленных принципов (при этом зачастую на основе географических особенностей), то он будет также соответствовать и другим принципам.

Выделение регионов осуществляется на различных территориальных уровнях [1].

Понятие «домен» определяется как территория, в пределах которой доминирует (властвует) какой-либо индивид или организация. Домены существуют на всех уровнях, начиная от «моей парты» и заканчивая территорией мирового господства. Домены регулируются формально или неформально. В пределах одного домена действуют определенные правила, которые перестают действовать за его пределами. В большинстве государств ниже уровня государственного домена имеются домены с более ограниченными правами. Такими меньшими по размеру доменами являются муниципалитеты, провинции и автономные регионы, в пределах которых применяются специфические правила, например выдача разрешений на строительство, ограничения на выхлопы газа автомобилями или практика двуязычия на местном уровне. В то же время территории небольших пространственных единиц практически всегда складываются в единое целое в рамках внешних границ независимого государства. Таким образом, существование независимых государств является важнейшим принципом разделения современного мира. Государственное законодательство и регулирование влияют на пределы досягаемости и модели перемещения как своих граждан, так и лиц, не являющихся гражданами независимого государства [10].

Понятие «регион» является удобным словом, когда необходимо определить территорию, формально не являющуюся политическим доменом, например муниципалитетом или округом. Географы рассматривают регион как территорию любого масштаба, обычно являющуюся промежуточным звеном между государством или муниципалитетом, характеризующуюся определенными внутренними взаимосвязями. В политологии регион

обычно обозначает формальную или неформальную ассоциацию независимых государств, например Скандинавию [10]. Концепция межнационального или многонационального региона используется также для определения региона Балтийского моря [12].

Аронсон [1] выделяет следующие критерии для определения регионов:

1. Территориальность и институционализация.
2. Объективные критерии: гомогенность или функциональность.
3. Субъективный критерий: идентичность.
4. Исторические изменения.

Территориальность предполагает выделение и изучение «природных» регионов, тогда как институционализация рассматривает функциональные, политические, социальные и экономические факторы. Гомогенный регион обладает общими свойствами, а функциональный регион — общими взаимосвязями. Идентичность, понимаемая как некая общая ментальность, которая приводит к возникновению общих моделей уклада жизни на определенной территории, также может играть активную роль в формировании региона, поскольку позволяет субъективно отделить один регион от другого [1].

Понятие функциональных регионов тесно связано с территориями сотрудничества. Функциональные регионы могут быть частью вертикальной или горизонтальной организации, а также сочетания этих двух порядков. При этом сотрудничество и соглашения могут принимать различные формы. Вертикальными функциональными регионами могут быть формы городских иерархий или агломераций, при этом существуют один или более центров и периферия. Разграничение горизонтальных регионов происходит вне зависимости от иерархических связей между центром и периферией [14].

Гуннарссон [4] рассматривает понятие «регион» как систему взаимодействия между акторами и институтами в рамках определенной географической территории. В рамках такого подхода Люсгард [11] выделяет 4 этапа институционализации регионов.

1. Определение формы территории. Этот процесс соотносится с локализацией общественной деятельности и приводит к формиро-

ванию границ региона и идентификации четко выраженных элементов пространственной структуры. Другим подходом является искусственное определение границ некоего абстрактного региона.

2. Формирование концептуального и символического образа. На этой стадии возникают механизмы, позволяющие отличать данный регион от других. Эти механизмы основываются на самосознании жителей региона.

3. Возникновение институтов, таких как средства массовой информации, образование, а также развитие внутрирегиональных политических, экономических, законодательных и административных процессов и участие региона в этих процессах на более глобальном уровне (например, в качестве составной части государства).

4. Установление региона как части региональной системы и регионального самосознания общества. Этот этап является продолжением процесса институционализации после того, как регион получает определенный статус, например административную функцию. На этой стадии регион приобретает идентичность, которая может основываться как на материальной базе (природа, ландшафт, культура, экономическая система), так и на некой ментальной конструкции (например, имидж региона) [11].

Регионализм, региональность, регионализация в контексте процессов глобализации

Понятие «регион» соотносится с определенной географической территорией и подразумевает определенное разделение руководящих полномочий между государством и местным органом власти, тогда как понятие «регионализм» тесно связано с некой культурной или этнической группой, населяющей определенный регион и борющейся за определенную политическую автономию. Понятие «регионализм» может быть связано с сепаратизмом и региональными движениями [14].

Концепция «региональности» связана с процессами децентрализации государственной власти и различными формами регионализации, включающими регионализм (районирование)

внутри национальных государств, а также феномен формирования транснациональных регионов. Региональность предполагает процесс реорганизации, связанный с появлением новых форм местного партнерства, позволяющего совершенствовать управление и развитие местных ресурсов [14]. Вегеланд [14] считает, что именно региональность может рассматриваться как критерий цивилизованности общества. Это также означает, что цивилизованное и сильное государство не может существовать длительное время без развитого регионального общества.

Хеттне [7] рассматривает различные уровни региональности; это означает, что определенная территория может являться регионом в большей или меньшей степени. По мнению автора, можно выделить пять степеней региональности.

1. Регион как географическая единица, более или менее ограниченная определенными географическими барьерами и обозначенная экологическими характеристиками. Этот уровень можно обозначить как «проторегион», поскольку он не предполагает наличия организованного общества.

2. Регион как социальная система предполагает наличие транс-локальных отношений между группами людей, которые позволяют обеспечить некие условия для формирования безопасности и обеспечения общей стабильности региональной системы. Такой регион, основывающийся на примитивной системе безопасности, можно обозначить как «примитивный регион».

3. Регион как организованное сотрудничество в сфере культуры, экономики, политики или военной безопасности. Такой более организованный регион можно назвать «формальным регионом».

4. Регион как гражданское общество возникает, когда определенные организационные рамки способствуют социальной коммуникации и взаимопроникновению ценностей в пределах региона. Определяющими элементами являются многомерность и добровольная основа регионального сотрудничества, при этом общественные характеристики позволяют говорить о «региональном анархическом обществе» — то есть о состоянии, которое больше, чем анархия, но меньше, чем общество.

5. Регион как действующий субъект с четко выраженной идентичностью, легитимностью и структурой управления. Основ-

ные задачи такого региона — урегулирование конфликтов и обеспечение благосостояния (с точки зрения социальной безопасности и регионального баланса). Данный процесс близок к процессу формирования государств, поэтому его результатом может быть создание «региона-государства».

Автор подчеркивает, что эти пять уровней, разработанные на основе определенной эволюционной логики, вовсе не являются стадиями развития регионов, но позволяют сформировать рамочные условия для проведения сравнительного анализа [7].

Регионализация означает структурные изменения системы государственной власти на основе дерегуляционных процессов, поддерживающих региональность. При этом с точки зрения социальных процессов регион — это некое сообщество людей, организованное на основе идеи относительного самоопределения [14].

Хеттне [6] предлагает различать «старый регионализм» и «новый регионализм». Старый регионализм сформировался в условиях биполярного контекста эпохи «холодной войны», тогда как новый регионализм предполагает многополярный мировой порядок. Новый регионализм представляет собой спонтанный процесс, основанный на понимании необходимости сотрудничества для более эффективного ответа новым глобальным вызовам. Тогда как старая модель регионализма была ответом на необходимость решения конкретных задач (например, оборонных или экономических). Новый регионализм является комплексным и многомерным процессом и затрагивает не только сферу торговли или экономического развития, но и охрану окружающей среды, социальную политику и безопасность, а также сам процесс формирования новых рамочных условий для укрепления взаимодействия. Старый регионализм, прежде всего, предполагал наличие определенных взаимоотношений между национальными государствами. Новый регионализм как часть процессов глобальной структурной трансформации основывается на активном участии акторов, не являющихся государствами, таких как различные институты, организации и движения.

Регионализация тесно связана с глобализацией. Процесс регионализации — важное измерение глобальной реструктуризации, при этом он имеет четко выраженный пространственный харак-

тер. Государство является одним из основных акторов процесса регионализации, однако не менее важными участниками этого процесса являются два других ключевых компонента системы государство — общество — экономика, к представителям которых относятся неправительственные организации, новые общественные движения, средства массовой информации, частные компании, а также ряд акторов, участвующих в неформальном секторе экономики. Таким образом, с одной стороны, регионализация — составная часть глобализационных процессов (т.е. трансформации глобальной политической экономики). С другой стороны, регионализация может выражаться в формальных (осуществляемых государством) мерах противодействия глобализации, являющихся частью более широкой стратегии экономического развития либо социальных аспектов приграничных форм деятельности, осуществляемых через сетевые структуры вторичной или даже нелегальной экономики [2].

Глобализм в качестве идеологии может быть определен как программная глобализация, видение мира без границ, тогда как сама глобализация является процессом. В свою очередь регионализация появилась как ответ на происходящие в мире глобализационные процессы [6].

Глобализация предполагает развитие функционального мирового рынка, постепенно проникающего и доминирующего над так называемыми «национальными экономиками», которые в результате теряют определенную часть своей «национальности». Главной проблемой глобализации является неравномерность этого процесса и его избирательность [6].

Глобализация представляет собой процесс глобальной реструктуризации экономики на всех уровнях. Этот процесс многомерен. В результате усиления функциональной интеграции глобализация оказывает влияние не только на экономическое пространство общества, но также на политическое и общественное пространство. Усиление функциональной интеграции приводит к появлению глобальной арены накопления, потребления, перераспределения, производства и дифференциации [2].

Экономическая глобализация и интернационализация коммуникационных процессов приводит к постепенному снижению

значимости национальных экономик и национальных государств. Увеличивается спектр вопросов, которые являются слишком крупными или слишком мелкими для того, чтобы их можно было решать на государственном уровне. Эти вопросы могут иметь глобальный либо интернациональный характер или, напротив, должны решаться на местном, по крайней мере региональном, уровне. Один из ключевых элементов этого процесса — все возрастающая роль городов как автономных экономических и социальных акторов [8].

Глобализация идей и идентичности является не менее важным процессом, чем глобализация материальных потоков в глобальной политической экономике. Нематериальные измерения глобализации, в том числе процесс трансформации идей и идентичности, создают основу для формирования идеологии, которая обеспечивает глобальную реструктуризацию. Главным актором или элементом в данном процессе может быть как транснациональная корпорация, так и государство, группа государств или группы гражданского общества, преследующие стратегию глобализации для достижения своих целей [2].

Регионы и глобальную экономику объединяют формальные и неформальные связи. Нередко такие связи приводят к возникновению сложных политических и экономических сетевых структур, которые обладают этническими, корпоративными или социальными характеристиками. Такие сетевые структуры могут создавать собственные регионы. Иногда неформальные (или даже воображаемые) регионы накладываются на формальные регионы, а иногда вступают с ними в противоречие. Либерализация торговли как часть государственного процесса регионализации может усилить регионализацию торговли оружием и наркотиками и способствовать развитию криминальных структур. В то же время формальная регионализация в форме либерализации торговли способствует развитию гражданского общества на уровне регионов [2].

Отличительной чертой процесса регионализации в Скандинавии (в частности, в Швеции) является отсутствие ярко выраженных сепаратистских тенденций или сильных региональных политических партий. Основной задачей формальных или неформальных регионов является объединение усилий нескольких му-

муниципалитетов для достижения определенных целей. Сталвант [13] говорит при этом о «регионализации без регионализма» и выделяет четыре формы данного процесса:

- региональное самоуправление (несколько муниципалитетов осуществляют совместные действия по координации процесса разработки и принятия решений);

- региональные инициативы по поддержке развития (объединения муниципалитетов на основе договоренностей осуществляют совместные действия, направленные на обеспечение социально-экономического развития и повышение конкурентоспособности региона в целом, в том числе за счет средств структурных фондов Европейского союза);

- региональное сотрудничество для лоббирования интересов (например, учреждение региональных представительств в Брюсселе);

- формирование транснациональных регионов [13].

Последняя форма регионализации будет более детально рассмотрена ниже.

Трансграничные регионы

Особым типом регионов являются регионы, размещающиеся на границах систем, например регионы, расположенные у государственной границы.

В английском языке существует слово «*march*», обозначающее приграничный регион, в особенности район, изначально основанный с целью защиты границы.

Приграничные регионы всегда играли особую роль в обеспечении интересов национальных государств. В то же время на людей, живущих вблизи границы, оказывается более высокое внешнее давление, чем на жителей регионов, расположенных недалеко от центра принятия решений. Помимо меньшего доступа к общественным благам в силу периферийного положения территории, на жителей приграничных регионов накладываются дополнительные ограничения. Например, если ближайший торговый центр находится по другую сторону от пункта пограничного пропуска,

то существующие правила могут стать прямым или косвенным препятствием для использования этого блага [10].

Граждане и (или) резиденты современных демократических государств воспринимают существующие условия как нечто само собой разумеющееся. В некоторой степени население может оказывать влияние на существующие условия, однако зачастую люди не имеют представления о том, что условия могут существенно различаться. Население приграничных регионов может быть более осведомлено о других возможностях. Однако люди, живущие на границе, редко имеют достаточную демографическую силу или политическую власть для того, чтобы оказать влияние на территориальный центр власти и население в целом [10].

Таким образом, предел достигаемости индивида, проживающего в приграничном регионе, может быть ограничен различными способами. Даже если граница является максимально открытой, как, например, между Швецией и Норвегией, более естественной является ситуация, когда ученик посещает школу, расположенную далеко от дома, но в «своей» стране, чем близлежащую школу по другую сторону границы. Такая ситуация характерна и для всей сферы общественного обслуживания [10].

В то же время сегодня в скандинавских странах развитие приграничного сотрудничества является одним из ключевых инструментов обеспечения регионального развития периферийных пограничных регионов [9]. Более того, страны Скандинавии все активнее применяют уже опробованные инструменты для развития приграничного сотрудничества в регионах Балтийского и Баренцева моря [13].

Рыночная экономика принципиально не имеет границ, однако каждый экономический сектор регулируется или субсидируется каждым государством в отдельности. Это приводит тому, что уровень цен на один и тот же товар может существенно различаться в двух близлежащих пунктах, разделенных государственной границей. Если граница является открытой или частично открытой (например, посредством таможенных ограничений), то существуют условия для развития трансграничной торговли [10].

Хакли рассматривает процесс трансграничной регионализации как направление развития, при котором политические и эконо-

мические аспекты пересекаются с вопросами идентичности. Данный процесс может приобретать очертания определенных сетевых структур, которые позволяют формировать схемы приграничного (трансграничного) сотрудничества. Трансграничная регионализация является одним из приоритетов современной политики Европейского союза. ЕС реализует ряд крупномасштабных программ (таких, как Interreg), направленных на поддержку приграничного сотрудничества и интеграционных процессов как на внутренних, так и на внешних границах Евросоюза. Во-первых, приграничное сотрудничество рассматривается как перспективный инструмент ускорения развития периферийных территорий, расположенных на границах национальных государств. При этом интеграция и выравнивание развития на всей территории ЕС является главной целью Европейского союза. Во-вторых, местные органы власти и экономические акторы активно пытаются использовать возможности формирования новых региональных альянсов (что также позволяет получить финансирование по линии программ Евросоюза и, кроме того, получить дополнительную политическую власть за счет участия в стратегическом сетевом сотрудничестве). В-третьих, в европейских регионах укрепились устойчивая вера в то, что многообразие может значительно способствовать развитию в разных сферах общественной жизни [5].

Вегеланд [14] поднимает вопрос о формировании «Европы регионов» или существовании «Европы с регионами». В «Европе регионов» именно регионы должны являться основными акторами, обладающими властью и влияющими на процесс развития. Национальные государства, в свою очередь, должны иметь партнерские отношения с регионами, сохраняя при этом доминирующую и монополистическую позицию в некоторых сферах политической деятельности. При этом регионы действуют на основе «горизонтального порядка» формирования законодательно-нормативной и институциональной базы. В «Европе с регионами» главными акторами выступают национальные государства, а регионы являются частью «вертикального порядка», т.е. государственной иерархии.

В «Европе Регионов» можно выделить три типа регионов:

— административные регионы как часть государственной иерархии, функционирующие на основе вертикального порядка;

— исторические или этнические регионы, появившиеся в результате действий региональных движений, повлекших определенные исторические события, и характеризующиеся определенной гомогенностью и опытом общей идентичности;

— сетевые функциональные регионы, которые также включают транснациональные регионы [14].

Так, понятие «Европа регионов», в частности, обозначает определенное число формальных или функциональных единиц, более или менее соотносящихся с уровнем национальных государств и зачастую выходящих за рамки государственных границ. Пример таких регионов — регион Арко, включающий Арвику в Швеции и Конгсвингер в Норвегии, между которыми осуществляется неформальное сотрудничество в сфере торговли, туризма и т.д. Провинция Ботненсис является примером более тесного сотрудничества между двумя приграничными городами — Хапаранда (Швеция) и Торнио (Финляндия). Важным символическим шагом, предпринятым в регионе Тироль, Южный Тироль — Альто Адиге, Трентино, стала совместная презентация на Всемирной ярмарке в Ганновере (Германия) в 2000 году. Этот регион включает австрийскую землю Тироль, которая, в свою очередь, состоит из двух районов, разделенных территорией Италии, и расположенный между этими двумя районами автономный регион Италии Трентино-Альто Адиге. Этот трансграничный регион, расположенный в Южных Альпах, переживший более чем столетнюю историю территориальных притязаний, изменений государственной границы и перемещений населения, сегодня делает попытку сформировать некую концептуальную единицу [10].

В настоящее время регионы вынуждены действовать в условиях международной и глобальной экономической конкуренции. Процесс регионализации европейских экономик, конечно, должен рассматриваться в контексте интеграции. С другой стороны, именно Европа имеет богатый исторический опыт взаимодействия многочисленных, небольших по площади регионов как основной формы организации общества, существовавшей на протяжении нескольких столетий. Таким образом, процесс становления «Европы регионов» можно рассматривать как возрождение исторической традиции, хотя и в новой форме [8].

В то же время в Евросоюзе уже есть много примеров того, что регионы активно противодействуют процессу транснациональной регионализации, справедливо опасаясь возможности утраты исторической, культурной и даже лингвистической идентичности. Остается открытым и ряд других вопросов. Первый вопрос: могут ли существующие механизмы сетевого сотрудничества между политическими, социальными и культурными элитами стать основой для формирования новых пространственно не закрепленных образований? Второй вопрос следует из первого: возможен ли отрыв процесса принятия политических решений от его традиционной территориальной основы и последующее растворение этого процесса в комплексных транснациональных структурах сетевого взаимодействия между органами власти, общества и частного сектора? Таким образом, формирование новых трансграничных регионов в Европе все еще остается полем для экспериментов [5].

В заключение можно сделать вывод о том, что сформировавшаяся к настоящему времени скандинавская традиция изучения регионов независимо от территориального уровня акцентирует «человеческое» измерение процесса регионализации. В то же время для скандинавских авторов характерен конструктивный подход к данному вопросу. Создание регионов рассматривается как инструмент максимально эффективного использования ресурсов отдельно взятой территории и повышения уровня жизни населения, как первый этап формирования и реализации региональной политики — как на государственном уровне, так и на основе местных инициатив. Процесс формирования трансграничных регионов и активное участие в нем стран Скандинавии может быть одним из наиболее показательных примеров, подчеркивающих происходящие изменения в процессе взаимодействия между национальными государствами и их регионами.

Список литературы

1. *Aronsson P. The Desire for Regions. The Production of Space in Sweden's History and Historiography* / Institut für Europäische Regionalfor-

schungen // *Interregiones*. № 4. 1995. <http://www.hum.vxu.se/publ/texter/regions.html>.

2. *Bøås M., Marchand M.H., Shaw T.M.* The weave-world: the regional interweaving of economies, ideas and identities // Söderbaum, Fredrik and Shaw, Timothy M. (eds.). *Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader*. Basingstoke, Palgrave, Macmillan, 2003.

3. *Boehme K.* A Northern View on ESDP. Nordregio, 1998. <http://www.nordregio.se>.

4. *Gunnarsson M.* Regionalism and Security — Two Concepts in the Wind of Change // Axensten, Peder (Ed.) *Risk and Nuclear Waste; Risk Perceptions and Societal Responses to Nuclear Waste in the Barents Region*. Cerum, Umeå universitet, 2002. http://www.umu.se/cerum/publikationer/pdfs/NSB_1_00_6_1.pdf.

5. *Hakli J.* Cross-border identities in the new Europe: Chost of the past or sign-post to the next millennium. <http://www.may.ie/staff/dpringle/igu/hakli.pdf>.

6. *Hettne B.* Globalism, Regionalism and the Europeanisation of Europe // Hettne, Björn and Söderbaum, Fredrik (Eds.). *The New Regionalism* Politeia. 1998. Vol. 17. № 3.

7. *Hettne B.* Globalization, the New Regionalism and East Asia. Paper delivered at the United Nations University Global Seminar'96 Shonan Session, Hayama, Japan, September 2—6, 1996. <http://www.unu.edu/unupress/globalism.html>.

8. *Kasvio A.* Local and regional development. <http://www.info.uta.fi/winsoc/engl/lect/REGION.html>.

9. *Lahteenaki-Smith K.* Regional policy and inter-regional strategic co-operation in the North-Calotte: cross-border co-operation as an instrument of regional development. Nordregio. <http://www.nordregio.se>.

10. *Lunden T.* On the boundary. About humans at the end of territory. Södertörn University College, 2004.

11. *Lysgard H.K.* To be or not to be a region — is that the Mid-Nordic question? // *Nordisk Samhällsgeografisk Tidskrift*. 1997. № 25. <http://www.geo.ruc.dk/nst/NST26/Lysgaard25.html>.

12. *Ryden L.* The Baltic Sea Region and the relevance of regional approaches // Maciejewski, Witold (Ed.) *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*. The Baltic University Press, Uppsala, 2002.

13. *Stalvant C.-E.* Sweden and a borderless Baltic Sea. Swedish Institute, 2004. http://www.sweden.se/templates/cs/Article_8667.aspx.

14. *Veggeland N.* «Region», «Regionalism», «Regionality». Key concepts in regional Europe. Institute for geography and planning // *Nordisk Samhällsgeografisk Tidskrift*. 1998. № 26. <http://www.geo.ruc.dk/nst/NST26/Veggeland26.htm>.

15. *Veggeland N.* The regional Europe concept. Lillehammer College // Research report. 1998. № 32.

Т.Р. Гареев, В.П. Жданов
Обзор современных теорий
интернационализации

Современной западной экономической мыслью инвестиции рассматриваются в международном контексте (international investment theory). Методологически в этом есть довольно глубокий смысл: в условиях глобализации, в узком смысле понимаемой как феномен объединения торгово-экономических пространств, решения организаций о внутристрановом инвестировании конкурируют с решениями о международном инвестировании (outward investment).

С другой стороны, политические решения относительно стимулирования отечественных инвестиций (domestic investments) конкурируют с решениями относительно привлечения иностранных инвестиций (inward investment). В предельной ситуации **барьеры** с точки зрения ведения бизнеса между юрисдикциями снижаются настолько, что значимыми факторами для принятия решений становятся только расстояния между юрисдикциями и распределение и относительное качество ресурсов. Общее правило заключается в следующем: чем меньше **информационных барьеров** существует в системе «агент — юрисдикция», тем меньше разница между международными (international) и отечественными (domestic) операциями для инвестора. Источником информационных барьеров традиционно называются экономические, социальные (в том числе культурные) и политические факторы, а также субъективные факторы (в том числе self-reference

criterion¹), связанные с когнитивными характеристиками экономических агентов.

Среди теоретических основ международных инвестиций наиболее известными подходами являются следующие:

- 1) традиционный маркетинговый подход (теория конкурентных преимуществ / теория несовершенства рынков);
- 2) теория жизненного цикла продукта (фирмы);
- 3) скандинавская модель стадий интернационализации (эволюционная модель);
- 4) теория интернализации (теория трансакционных издержек);
- 5) эклектическая теория (OLE-парадигма).

Рассмотрим подробнее основы данных теорий, главная цель которых — осуществление фундаментального выбора между инвестированием в собственные производственные активы за рубежом или использование иных форм проникновения на внешние рынки, таких как экспортные операции либо различные типы контрактных отношений.

Traditional marketing approach (Kindleberger, 1969 / Hymen, 1976). Традиционный подход основан на парадигме несовершенных рынков (market imperfection paradigm). Ключевым элементом подхода считается наличие ключевых компетенций (core competencies) в сфере производства или маркетинга, которые позволяют фирме получить конкурентные преимущества и компенсировать дополнительные издержки интернационализации (comparative cost / cost-based approach), то есть, в терминологии Киндльбергера-Химера, «cost of foreignness». Действительно, если принять за основу, что в условиях конкуренции наиболее важными факторами являются эффективность производства (прежде всего, эффекты масштаба) и эффективность распоряжения информацией (знаниями и компетенциями), логично предположить, что национальные фирмы лучше осведомлены о состоянии бизнес-среды. В таком случае существование прямых иностранных инвестиций (ПИИ) эмпирически доказывает, что международные рынки

¹ Cateora and Gauri. International marketing. Self-reference criterion (SRC) — это, в общем виде, когнитивный эффект произвольного обращения к собственным культурным ценностям и нормам при исследовании и оценке чужой культуры.

обладают фундаментальным несовершенством, которое проявляется в: 1) неравновесии на рынках; 2) государственном регулировании; 3) рыночной структуре; 4) рыночных сбоях.

Так, *неравновесие на рынках* (market disequilibrium) раскрывается, прежде всего, в результате различий в уровне технологии, в уровне доходности на вложенный капитал и в соотношении валютных курсов. Условно говоря, международная организация инвестирует в производство, если у нее имеется технологическое лидерство, если доходность на капитал выше в стране-реципиенте инвестиций и, наконец, если валюта страны-реципиента недооценена. *Государственное регулирование* (government-imposed distortion) выражается в наличии политики, направленной на привлечение инвестиций (inward investment) и импортозамещение (import substitution). Традиционными инструментами такого рода политики являются тарифные и нетарифные барьеры, в том числе квоты и налоговые инициативы. Под несовершенством *рыночной структуры* (market structure), как правило, понимается олигополистическая природа конкуренции на международных рынках и относительная автономность международных компаний при принятии инвестиционных решений. Другими аспектами несовершенства рыночной структуры являются специфика знания (knowledge), как объекта прав, и возможность их патентно-лицензионной защиты, учет жизненного цикла продуктов и рынков, учет возможности краткосрочной неэффективности монополии на зарубежном рынке с целью обеспечения долгосрочной конкурентоспособности. В этом контексте уместно вспомнить о «теории собственности» (Magee), в которой утверждается, что основным продуктом деятельности ТНК является «информация», и, соответственно, стремление защищать информацию приводит к необходимости инвестирования в расширение собственных информационных сетей, в том числе за границей. *Провалы рынка* (market failure)² в данном контексте становятся результатом существова-

² В отечественной литературе можно встретить различные термины, раскрывающие смысл понятия *market failure*. В данной работе используются также термины «провалы рынка», «рыночные неудачи» или даже «несовершенства рынка» (не следует смешивать с более строгим понятием несовершенных рынков — *market imperfection*).

ния нематериальных активов и связанного с ними действия внешних эффектов (externalities), сложности с их рыночной оценкой и контролем прав собственности, а также результатом действия эффектов экономии от масштаба.

В целом — согласно традиционному подходу — международные фирмы благодаря контролю над информацией и технологией обладают способностью снижать издержки до уровня, который позволяет им успешно присутствовать на зарубежных рынках.

Одним из наиболее заметных расширений традиционного подхода, развивающих идею о несовершенстве рыночной структуры, является теория жизненного цикла продукта (фирмы), которую можно рассматривать в качестве вполне самостоятельной теории ПИИ.

Теория жизненного цикла (Vernon's life cycle hypothesis) исходит из того, что фирма в более прогрессивной стране находится ближе к потенциальному рынку продукта, поэтому первоначально более эффективные производственные мощности для данного продукта должны находиться в более развитых странах. При условии постепенного расширения рынка сбыта становится возможной определенная степень «стандартизации» продукта, при которой эффекты масштаба начинают приобретать первостепенное значение. В результате производственные мощности вытесняются в менее развитые страны, предлагающие более выгодные с точки зрения издержек производства условия размещения. Развитые страны инвестируют в создание производств в менее развитых странах, одновременно наращивая импорт устаревающих продуктов и развивая собственное производство инновационных продуктов. Когда в теории жизненного цикла преобладает понятие **стандартизации** как основной стратегии выхода на внешний рынок, то, согласно Эгмону и Лезарду (Agmon, Lesard), ТНК в большей степени ориентированы на *диверсификацию*, если осознают тот факт, что барьеры для портфельного инвестирования выше, чем для прямого иностранного инвестирования. Необходимо отметить, что в данном виде теория диверсификации не получила должного подтверждения на практике. Скорее диверсификацию принято рассматривать в контексте выбора стратегии деятельности ТНК в континууме «диверсификация — фокусирование», тогда как противоположной для стратегии стандартизации является стратегия адаптации.

Несколько отличный подход был предложен в рамках так называемой **скандинавской модели стадий (Uppsala stage model)**. Скандинавская эволюционная модель основана на наблюдении за закономерностями последовательного проникновения фирм на зарубежные рынки. Согласно модели *степень вовлеченности* (commitment) инвестора зависит от *физической* и *культурной дистанции* до того или иного зарубежного рынка и от *опыта инвестора* на этом рынке. Исследователи выделили четыре стадии проникновения, в том числе нерегулярный экспорт, регулярный экспорт через независимых посредников, зарубежная торговая дочерняя компания и производственная компания (два последних типа относятся к прямому иностранному инвестированию). Теория постулирует наличие положительной зависимости между глубиной проникновения на зарубежный рынок и степенью осведомленности о зарубежном рынке (market knowledge), которая, в свою очередь, определяется практическим опытом предыдущего этапа проникновения. Предсказывая в целом необходимость последовательного прохождения фирмой стадий (шагов) проникновения на внешний рынок, авторы скандинавской модели указывают три исключения: 1) крупные инвесторы могут предпринимать более радикальные инвестиционные шаги; 2) в условиях стабильности знание о рынке не обязательно является результатом практического опыта фирмы; 3) фирма может обобщать свой опыт и переносить его на рынки со сходными условиями функционирования.

Скандинавская модель подвергалась довольно жесткой критике, во-первых, за ее излишний детерминизм (особенно в части физической дистанции), во-вторых, за игнорирование факта взаимного влияния рынков друг на друга (в модели глобальное рыночное пространство рассматривается как дискретное). Отмечалось, что теория не указывает причины, побуждающие фирму к нерегулярному экспорту, что в ней не отражены гибридные контрактные формы проникновения (например, франчайзинг) и что современные фирмы зачастую склонны осваивать отдаленные рынки и «перепрыгивать» через детерминированные стадии. Кроме того, оказалось, что данная теория не подходит для объяснения интернационализации в сервисных отраслях и не учиты-

вает их влияния на глобальную осведомленность о рынках (например, роль консалтинговых фирм).

Теория интернализации³ / **теория транзакционных издержек**. С точки зрения теории транзакционных издержек различные формы интернационализации рассматриваются как своего рода режимы управления транзакциями (governance structures) на международных рынках. Фактически теория интернализации почти целиком относится к институциональной традиции в экономике. В разработку теории транзакционных издержек внесли вклад такие классики, как Коуз, Норт, Уильямсон, но с точки зрения теории инвестирования на уровне фирмы наибольшее распространение на современном этапе получил подход О. Уильямсона.

Согласно Коузу, фирма будет стремиться расширяться (вертикально интегрироваться) до тех пор, пока стоимость управления внутренней транзакцией (стоимость контроля) будет не выше цены рыночной организации аналогичной транзакции⁴ (транзакционных издержек) [3]. Теория предсказывает, что фирма будет инвестировать в развитие внутренней (hierarchical) системы контроля до тех пор, пока это будет выгоднее, чем услуги независимых поставщиков товаров и услуг. Рыночные сбои подразумевают, что для множества операций транзакционные издержки относительно ниже при замене рыночного обмена внутренней организацией. Согласно Уильямсону, в рамках транзакционных издержек условно можно выделить издержки *ex ante* (поиск и спецификация контракта) и *ex post* (мониторинг и поддержка контракта), причем фундаментальной задачей фирмы является *минимизация* комбинации этих издержек⁵. В зависимости от режима управления транзакцией (рыночного или иерархического) тран-

³ Интернализацию не следует смешивать с понятие интернационализации. **Интернационализация** — процесс переноса элементов бизнеса (цепочки ценности) на международный рынок (на рынки зарубежных стран).

⁴ **Транзакция** (от transaction — сделка, соглашение) — единица анализа на микроуровне; выражается в совокупности отношений, возникающих при осуществлении операции по перемещению, обмену или трансформации товаров, услуг, ресурсов.

⁵ Необходимо отметить, что для данного направления (нео)институциональной теории характерен рациональный подход (в отличие от когнитивного).

сакционные издержки относительно фирмы могут быть результатом экстернализации или интернализации соответственно.

Интернализация — в общем виде это процесс переноса системой процессов из внешней среды во внутреннюю и/или интегрированную среду (присоединение, слияние, поглощение)⁶. Поскольку результатом интернализации является вертикально интегрированная структура, зачастую понятие интернализации рассматривают как синоним вертикальной интеграции⁷. Элементы интегрированной среды можно охарактеризовать как аффилированные структуры (affiliates). **Интеграция** — процесс присоединения производственной системой (компанией, фирмой) к собственным элементам цепочки ценности владельцев смежных или аналогичных элементов независимых цепочек. При этом **интегрированная среда (сеть)** — это совокупность элементов и процессов кооперации между ними, в которой между элементами выстраиваются *иерархические* отношения контроля и собственности⁸.

С точки зрения теории международного инвестирования важной основой институциональной теории является понятие *специфических активов*.

Специфические активы (transaction-specific assets) или активы, специфические для данной транзакции, — это такой вид имущества (элемент капитала), эффективное использование которого вне транзакции, для которой он предназначен, серьезно затруднено⁹. Это происходит вследствие использования капитала (в том числе нематериальных активов) в такой комбинации, что ее

⁶ Согласно О. Уильямсону, замену рыночного обмена на внутреннюю организацию мы будем называть «интернализацией» (internalization).

⁷ Теоретически можно провести различие между внутренней средой конкретной фирмы как обособленного хозяйствующего субъекта и интегрированной средой, состоящей из нескольких хозяйствующих субъектов, входящих в единый комплекс с точки зрения одного владельца этих фирм.

⁸ **Дизинтегрированная среда (сеть)** — это совокупность элементов и процессов кооперации между ними, в которой между независимыми на уровне контроля и собственности элементами выстраиваются контрактные отношения, регулируемые рынком.

⁹ Другими словами, альтернативное использование специфического актива менее эффективно, чем данное.

любые изменения приводят к относительной потере ценности. Как правило, инвестирование в специфические активы объясняется стремлением снизить риски оппортунистического поведения, которые повышаются из-за так называемого эффекта «замыкания» (lock-in) на контрагента, обладающего данными активами.

Чем более специфический актив и чем выше транзакционные издержки на страхование от проявлений оппортунизма, тем выше вероятность интернализации, т.е. в данном случае — получения как можно большего контроля над транзакцией и задействованными в ее осуществлении ресурсами и активами.

Уильямсон выделяет шесть основных типов источников «специфичности» активов, а именно: специфику места расположения (site); физическую специфику (physical); человеческую специфику (human); брэнд (brand); предназначенность активов (dedicated assets) и временную специфику (temporal). Важным элементом для понимания концепции специфических активов является анализ обеих сторон, потенциально участвующих в транзакции, так как в случае интернализации транзакции или защиты нематериальных активов (safeguarding) одна из сторон стремится вытеснить и/или не допустить другую сторону. В этом смысле стратегии обеих сторон будут носить противоположный характер, что служит для обоснованной критики оригинальной теории Уильямсона, во-первых, за переоценку негативных тенденций в поведении агентов, во-вторых, за игнорирование промежуточных социальных форм кооперации (община, клан, ассоциация и прочие).

Следующим важным элементом теории транзакционных издержек является частота транзакций (transaction frequency). Этот элемент наряду с уровнем специфичности активов определяет *силу связи* между поставщиком и покупателем в рамках транзакции. Тем не менее с точки зрения неспецифических типов бизнеса (например, торгово-закупочная деятельность на конкурентном рынке) частота транзакций не является стимулом к осуществлению специфических инвестиций.

Основные стратегии интернационализации, которые рекомендует теория транзакционных издержек, условно сгруппированы в таблице 1.

Таблица 1

Выбор международного режима управления операциями

Частота транзакций	Специфика инвестиции (активов)		
	Низкая	Средняя	Высокая
Низкая	Экстернализация (нерегулярный экспорт)	Контрактные формы (лицензирование)	Контрактные формы
Средняя	Экстернализация (регулярный экспорт)	Контрактные формы (франчайзинг)	Контрактные формы («под ключ»)
Высокая	Экстернализация (дистрибьютор, постоянный импортер)	Совместное предприятие	Интернализация (фирма со 100 % иностранным капиталом)

Как видно из таблицы 1 инвестирование рассматривается как выбор формы управления активами¹⁰. Институциональная теория используется для объяснения процессов международного инвестирования на основе взаимодействия двух *противоположных* категорий¹¹ — **рынка** (market) и **иерархии** (hierarchy), или, в практическом аспекте, — на основе **выбора** между аутсорсингом (outsourcing) и интеграцией (integration). Другими словами, теория стремится объяснить и в ряде случаев предсказать, «где, когда и в какой форме» будет происходить инвестирование или отказ от инвестирования. Ключевым понятием является «режим проникновения» (entry mode). **Выбор** осуществляется между различными режимами проникновения, а именно между отказом от проникновения, экспортом, контрактными отношениями (лицензирование и франчайзинг), коллаборационными соглашениями, совместной деятельностью и собственно прямым инвестированием.

¹⁰ Современная теория интернационализации основана на соединении теории интернализации и теории международной цепочки ценности. В анализ помимо чистых иерархических и рыночных форм активнее стали включать так называемые гибридные формы интернационализации — контрактные отношения/коллаборационистские отношения — лизинг, франчайзинг и совместное предпринимательство.

¹¹ Необходимо отметить, что речь в данном случае идет о реальных противоположностях между явлениями «А» и «Б», а не о противоречиях между явлениями «А» и «не-А».

Уильямсон утверждает, что при прочих равных для «хорошо» функционирующего рынка рыночное посредничество в целом предпочтительнее внутреннего снабжения¹².

Dunning's eclectic theory [4]. Своего рода развитием современной теории проблем международного инвестирования является так называемая **эклектическая теория Дж. Даннинга**, основанная на соединении инструментов институционального и локационного анализа. Эклектика заключается в одновременном использовании в анализе институциональных и классических закономерностей без их серьезного методологического соединения. Эклектическая теория условно заимствуется из: 1) теории конкурентных преимуществ (firm-specific advantages); 2) теории размещения (country-specific advantage); 3) теории транзакционных издержек (internalization advantage). Условное соотношение различных понятий согласно эклектической теории Даннинга представлено в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь элементов эклектической теории Дж. Даннинга

Элемент	Методологическая основа	Источник специфических преимуществ
O (Ownership)	Теория конкурентных преимуществ	Фирма и ее компетенции
L (Location)	Теория размещения	Страна (юрисдикция) размещения
I (Internalization)	Теория транзакционных издержек	Вертикальная интеграция

Поскольку эклектическая теория рассматривает все вопросы преимущественно с позиции ТНК, к первому направлению относятся ключевое понятие «собственность» фирмы (ownership), ко второму — страна «размещения» отделения фирмы (location), а к третьему — режим управления «фирмой» необходимыми опера-

¹² По мнению Уильямсона, наиболее явным преимуществом фирмы является большее разнообразие и большая точность инструментов управления, которые могут быть использованы для внутрифирменной деятельности (в сравнении с межфирменной деятельностью).

циями (internalization). Поэтому альтернативным часто используемым названием эклектической теории Даннинга является термин OLI-парадигма. В упрощенном виде парадигма Ownership-Location-Internalization (OLI) предсказывает, что склонность к иностранному инвестированию будет возрастать, если выполняются следующие условия относительно:

— преимущества *собственности* — владение *специфическими активами*, в том числе нематериальными, создает преимущества по сравнению с фирмами-резидентами юрисдикции инвестирования;

— преимущества *размещения* — комбинация инвестируемых в чужой юрисдикции активов с имеющимися в распоряжении фирмы собственными ресурсами и активами выгодна для компании;

— преимущества *интернализации* — для фирмы должно быть относительно выгоднее приобрести контроль над активами для реализации компетенций и преимуществ юрисдикции, чем входить в контрактные отношения по поводу поставок продукции или предоставления прав на использование компетенций другим агентам рынка.

Закономерности инвестиционного выбора основаны на центральном постулате OLI-парадигмы: преимущества интернализации (internalization advantages) делают прямое инвестирование более предпочтительным по сравнению с другими режимами проникновения на внешние рынки. По мнению Даннинга, с точки зрения транснациональных корпораций (*MNE* — multi-national enterprises) *иерархические* методы организации транзакций являются более предпочтительным, чем *рыночные* методы, в тех случаях, когда внешние рынки несовершенны, т.е. практически всегда. Данный взгляд заимствован скорее в новой институциональной теории, которая утверждает, что на практике ситуация совершенного рынка (friction-free market) никогда не наступит. Это объясняется тем, что в той или иной комбинации всегда будут действовать две группы факторов *фундаментального рыночного несовершенства* (market failure, or lack, or imperfection) — естественные и структурные.

Применительно к международным рынкам примерами *естественных* факторов рыночного несовершенства являются: 1) недопроизводство знаний и технологий (market for knowledge failure); 2) транзакционные издержки (transaction costs); 3) неопределенность

(market uncertainty); 4) информационная асимметрия (information asymmetry). Первое несовершенство имеет довольно сложные корни: говоря упрощенно, рынок способствует *недопроизводству* знаний и технологий вследствие, во-первых, оппортунизма производителей знаний и, во-вторых, недооценки знаний потребителем из-за неопределенности будущей ценности их использования. Второе несовершенство, согласно подходу Уильямсона, заключается в том, что любой контракт, особенно международный, сопровождается издержками исследования, поиска, коммуникации, согласования, спецификации, стандартизации (контроля качества), сертификации (мониторинга качества) и поддержки контрактов¹³. Третья и четвертая группы факторов в большей степени связаны с ограниченной рациональностью и склонностью к оппортунизму агентов (поставщиков и потребителей), а следовательно, с ожиданием оппортунизма со стороны контрагентов.

К *структурным* факторам несовершенства рынка можно отнести факторы, связанные с деятельностью наиболее влиятельных институтов, в первую очередь олигополистическое поведение крупных международных агентов рынка. Примерами такого рода поведения являются рыночная власть (bargaining power), ценовая дискриминация (price discrimination), трансфертное ценообразование (transfer pricing) и прочие проявления «недобросовестной» конкуренции. Многие исследователи в контексте структурных факторов несовершенства рынка рассматривают проблемы, касающиеся особенностей государственного регулирования рынков, а также гибридного (олигархического) регулирования, являющегося результатом лоббирования, коррупции и подобных явлений¹⁴.

¹³ В международных контрактах в наиболее явном виде транзакционные издержки выражаются в форме дополнительных затрат на транспортировку, налоги и страхование.

¹⁴ Государственное регулирование в целом отличается от олигархического регулирования тем, что первое, по крайней мере на уровне целеполагания, стремится к установлению равных условий для множества агентов в рамках юрисдикции, а второе — к установлению преференциальных условий для избранных агентов в рамках юрисдикции. Результатом государственного регулирования является различие «правил игры» между юрисдикциями, тогда как результат олигархического регулирования — различие «правил игры» как между юрисдикциями, так и в рамках юрисдикции.

Несовершенства рынка, вызванные системой регулирования (government imposed market imperfections), являются экзогенными для агентов факторами, заставляя их включать различные механизмы арбитража.

Список литературы

1. *Griffin R.W., Pustay J.S.* International business. Addison-Wesley. 2002.
2. *Hollensen.* Global marketing. 2002.
3. *Coase R.* The nature of the firm // *Economics*. 1937. №4. P. 386—405.
4. *Dunning J.* Explaining international production. London: UNWIN, 1988.
5. *Lundvall, B-A.* et. al. Ed. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. — London, 1992.
6. *Marques H.* The «new» economic theories // Working paper. *Trabalhos em curso*. 2001. №104. 27 p.
7. *McAuley A.* International Marketing: Consuming globally, thinking locally. Chichester: Wiley, 2001.
8. *Porter M.* Competitive advantage, agglomeration economies, and regional policy // *International regional science review*. 1996. Vol. 19. №1—2. P. 85—94.
9. *Vernon R.* International investment and international trade in the product life cycle // *Quarterly Journal of economics*. 1966. Vol. 80. P.190—207.
10. *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. №3. P. 595—613.
11. *Williamson O.* The New Institutional Economics: the institutions of governance // *American Economic review*. 1998. P. 75—79.

А.В. Алимпиева

**Эксклавный российский регион:
проблема социальной идентичности**

Калининградская область значительно выделяется из общего ряда провинциальных регионов Российской Федерации. Специфика Калининградского региона проявляется, прежде всего, в его эксклавном положении, оторванности от российской территории. Существуют и другие черты, отличающие самую западную российскую область и оказывающие существенное влияние на характер регионального социума.

Основание Калининградской области происходило на стыке двух противоположных тенденций: с одной стороны, становления социальной общности советского типа, с другой — активного проникновения в бытовую среду образцов и стилей западной культуры. Преимущественно переселенческий характер формирования области на протяжении десятилетий создавал проблему адаптации калининградцев к новым условиям жизни и хозяйственной деятельности, определял их более высокую по сравнению с остальными регионами страны подвижность. Развитие Калининградского региона как территории, принявшей разные культуры и пережившей полную смену носителей одной из них, до сих пор определяет специфику региональной социальной среды. Нерешенной остается и проблема становления населения Калининградской области как единой социокультурной общности.

На современном этапе ситуация в Калининградской области и перспективы ее развития связаны, по крайней мере, со следую-

щими обстоятельствами. Во-первых, это объективная «маргинальность», промежуточность положения региона в плоскости Европа — Россия. Во-вторых, возможное социокультурное отдаление региона от России в связи с географической оторванностью от ее территории. В-третьих, особое значение, которое приобретает (или способен приобрести) Калининградский регион в процессах международной интеграции, в развитии внешних связей Российской Федерации. В-четвертых, сравнительно активные миграционные процессы в области, обеспечивающие приток ее новых жителей и ставящие вопрос об их успешной адаптации к новым жизненным обстоятельствам, интеграции в калининградский социум.

В контексте названных исторических обстоятельств и современных особенностей чрезвычайный интерес представляет изучение социальной идентичности калининградцев. При этом внимания заслуживают вопросы, касающиеся: актуальности для жителей региона различных видов социальной идентичности; иерархии таких видов социальной идентичности, как российская, региональная, европейская, у разных социальных слоев; этнических и иных групп населения области; динамики значения общероссийской идентичности для калининградцев в условиях усиливающегося отрыва от страны (усиливается, ослабевает, сохраняет прежние позиции); «европейскости» калининградцев, степени их социокультурной, ценностной близости к Европе, готовности эффективно и дружелюбно взаимодействовать с европейским сообществом, прежде всего с соседними странами, «представлять» Россию в общеевропейском доме. В получении ответов на эти и другие вопросы заинтересованы самые разные аудитории, в том числе представители российской и региональной политической, экономической, культурной элиты, решающие «калининградскую проблему» и развивающие интеграционные связи между Россией Европой, а также страны Европейского сообщества, ориентирующиеся на российско-европейское сотрудничество.

В основе исследований проблемы социальной идентичности калининградцев, проводимых в последние годы учеными Калининградского государственного университета, лежит понимание идентичности,

сложившееся в современной социально-психологической и социологической науках на основе теорий социальной идентичности Тешфела — Тернера, Марсиа, Эриксона и др. Согласно существующим подходам, можно говорить о двух видах идентичности — личностной и социальной.

Личностная идентичность — это самоопределение в терминах физических, интеллектуальных или нравственных черт индивида. Социальная идентичность — самоопределение в терминах отнесения себя к определенной социальной группе; она вытекает из восприятия индивидом себя как члена тех или иных социальных групп и отвечает на вопрос, что есть и где есть человек в социальном смысле [1, с. 153—155]. Другими словами, идентичность можно понять как степень осознания своей принадлежности к некой социальной общности, группе, как «мы», как форму самоописания, ярлык, который индивид использует для оценки своей отнесенности к внешнему миру. Личностная и социальная идентичности являются подсистемами когнитивной Я-концепции — «совокупности всех представлений индивида о себе, сопряженной с их оценкой» [2, с. 30], которая играет роль регулятора поведения в различных условиях взаимодействия.

Два типа идентичности имеют тенденцию к ситуативному проявлению, то есть в зависимости от условий взаимодействия проявляется либо одна, либо другая идентичность. При этом когда на первый план выходит личностная идентичность, социальная идентичность не исчезает из Я-концепции индивида, а просто перестает быть актуальной на данном этапе. Когда наиболее адекватной становится социальная идентичность, индивид действует, ориентируясь на данную сторону своей Я-концепции. В этом случае личность начинает воспринимать окружающую социальную действительность с позиции принадлежности к социальной группе, воспринимать себя и других членов своей социальной группы как имеющих общие, типичные характеристики, которые и определяют группу как целое.

Следует отметить, что среди факторов, влияющих на формирование идентичности, присутствует и средово-географический. Согласно социально-психологическим концепциям окружающей среды (Альтман, Баркер, Линч и др.) географический район про-

живания человека выступает его жизненной средой, без учета особенностей которой не могут быть построены образ мира и образ себя в мире и которая служит важным фактором поведения индивида.

Процесс познания человеком собственной идентичности, согласно теории Г. Тешфела, предполагает, во-первых, социальную категоризацию, понимаемую как систематизация и упорядочение социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида (часто в соответствии с ролью участника процесса); во-вторых, социальную идентификацию, понимаемую как процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию [3, р. 33].

Социальная идентичность — некоторый итог этого процесса, полное социальное отождествление индивида; это знание (направление знания) о принадлежности к определенной социальной группе, имеющее эмоциональное и оценочное значение для индивида. Социальные группы (категории) и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной. Социальная идентичность — это соотнесение Я с группой, это способ организации для данного индивида его представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит. Также важно, что социальная идентичность — это не только то, что человек думает о своем месте в данной структуре, но и что он делает в соответствии с этой позицией. «Иметь данную идентичность, — пишут П. Бергер и Т. Лукман, — значит занимать особое место в мире, предписываемое определенными правилами» [4, с. 216].

Одним из видов социальной идентичности является территориальная (социально-территориальная) идентичность, порождаемая территориальной (региональной) дифференциацией. «Идентификация агентов с территориальными общностями выступает одним из механизмов субъективно-личностного освоения социальной реальности... Территориальная идентичность необходимо связана со специфическим пониманием идентифицируемой территории, осуществляющимся за счет переживания индивидом социокультурных обстоятельств и черт, которые характеризуют

данную территориальную общность, как своих собственных. В силу идеального «перевоплощения» себя в члена территориальной общности обстоятельства ее социальной жизни и сама эта жизнь в совокупности различных аспектов приобретает для идентифицирующего агента личностный смысл» [5, с. 94—98]. Территориальные общности, к которым индивид чувствует причастность, имеют разный «масштаб» (границы), и речь может идти об идентификации с конкретным местом (городом, селом), регионом (областью, краем), страной (ныне существующей, как Россия, либо канувшей в Лету, как СССР) или даже союзом государств (СНГ, Евросоюз).

В силу принадлежности индивида одновременно ко многим общностям и группам (в том числе территориальным) встает вопрос о множественности идентичностей (для нас интерес, в первую очередь, представляет сочетание российской, региональной, локальной, европейской идентичности калининградцев), о том, как индивид осуществляет сортировку этих групп, с какой из них он отождествляет себя в первую очередь. По Тешфелу, индивид выбирает наиболее «выпуклую» группу, которая особенно значима для него и которая определяет его взгляд на мир. С точки зрения других исследователей подобный выбор носит ситуативный характер, что означает некоторую подвижность системы идентичностей, а также возможность возникновения в определенных обстоятельствах конфликта между ними [1, с. 157]. Многие исследователи указывают на то, что для современной ситуации в странах бывшего советского блока, объединяющейся Европы характерно пересечение не просто сосуществующих, но конкурирующих между собой идентичностей.

Обсуждая вопрос о наиболее значимых для индивида идентичностях, нельзя не упомянуть также о том, что членство в группе (и, соответственно, идентификация с ней) может быть как сознательным, так и бессознательным. Членство в социально-территориальных общностях (страна, регион, место проживания), к которым индивид в большинстве случаев принадлежит по рождению, «приписан» к ним, является скорее бессознательным. И хотя экспериментально этот вопрос не изучался, существуют предположения о наличии взаимосвязи между «созна-

тельными» и «бессознательными» идентичностями, ситуативном характере их соотношения.

В схему Тешфела также входят категории социального сравнения и социальной дискриминации. Под социальным сравнением имеется в виду, что чувство социальной идентичности (и как результат этого состояния — межгрупповая дискриминация) возникает на основе сравнения ингруппы и аутгруппы. Идентичность — это своего рода способ проведения границ между теми, кто принадлежит к нашей группе, и теми, кто к ней не относится. Через социальное сравнение ценностно-значимых качеств и характеристик в ходе взаимоотношений с другими группами индивид дает оценку собственной. При этом индивиды всегда стремятся к сохранению позитивной идентичности, что способствует восприятию мира как стабильного, справедливого и надежного. Когда социальная идентичность не удовлетворяет членов группы, они стремятся либо покинуть группу, к которой в данный момент принадлежат, и присоединиться к более высоко оцениваемой ими группе, либо сделать так, чтобы их настоящая группа стала позитивно отличной от других. Социальная дискриминация понимается как аутгрупповая враждебность. Она является естественным следствием стремления достигнуть или сохранить превосходство над аутгруппой по тем или иным параметрам.

Данная теоретическая модель понятия социальной идентичности, лежащая в основе наших исследований, определила необходимость выявления ведущих социальных категорий, посредством которых калининградцы упорядочивают свое окружение, результатов социального сравнения этих категорий между собой, значения их для респондента, а также их социальной оценки. Осознавая, что процессы социальной идентификации должны рассматриваться в трех аспектах: когнитивном (знание о своей принадлежности к группе (категории)), эмоциональном (принятие своей группы, ее позитивная или негативная оценка), ценностном (наличие признаков, общих для членов данной группы, прежде всего общих ценностей и иных культурных особенностей), — мы тем не менее сосредоточились преимущественно на двух первых из них.

Основным методом наших исследований стал опрос (в зависимости от особенностей выборки проводимый в форме анкети-

рования или интервью), направленный на выявление объектов социальной идентификации респондентов, степени отождествления с ними, иерархии идентичностей и ведущей (наиболее «выпуклой» из них) в текущих обстоятельствах, наличия идентификации с местом, европейской идентификации и степени ее выраженности и т. д.

Теоретическое осмысление и сопоставление результатов исследований, проведенных в последние годы, позволили прийти к следующим выводам.

Процессы формирования целостного регионального социума являются достаточно актуальными для нынешнего этапа развития Калининградской области. Будучи регионом-«получателем» (по терминологии Н. Петрова [6, с. 166]), она пополняет свое население за счет мигрантов из других территорий, что ставит вопросы о степени укорененности «новых калининградцев» в областном социуме и обретении ими региональной идентичности. По нашим данным, укорененность на территории области определяется длительностью проживания: чем дольше индивид живет в регионе (независимо от места его рождения), тем в большей степени он чувствует себя коренным жителем, а не переселенцем, «чужаком», тем чаще он идентифицирует себя с региональным социумом. Наиболее неукорененными в социально-территориальной общности жителей эксклавного российского региона чувствуют себя переселенцы последних пяти лет. Им же свойственна меньшая степень идентификации с региональной общностью.

В настоящее время наиболее актуальными для жителей региона являются проблемы территориальной оторванности от России и негативных последствий, которые влечет за собой расширение Евросоюза на восток. В первую очередь калининградцы опасаются ухудшения экономической ситуации, а также изоляции от России. Компенсировать недостатки эксклавности, получить определенные материальные выгоды, по мнению калининградцев, способен статус региона как особой экономической зоны. Возможно, и с ним жители региона связывают надежды на благополучие в будущем. Предполагая, что эксклавный российский регион создает некоторые проблемы для соседней Европы, жители Калининградской области в то же время ожидают от нее

финансовой и иной помощи и развития взаимовыгодного сотрудничества.

В целом данные, полученные нами в исследованиях 2001, 2003, 2004 гг., говорят о том, что ситуация в сфере социальной идентичности населения региона достаточно стабильна (за исключением нижеуказанных параметров), несмотря на некоторые колебания отдельных показателей.

В последние годы (2001—2004) наблюдается тенденция к усилению идентификаций жителей региона с локальным сообществом и — особенно — страной в целом (россиянами). По сравнению с ними региональный социум, на первый взгляд, имеет меньший вес как «мы»-группа, как объект социальной идентификации.

По нашему мнению, лидирующее положение общероссийской идентичности может быть обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, формирование российской государственной идентичности в последние годы сравнительно активно стимулируется как из федерального Центра, так и на региональном уровне. И с тем, что такая идентичность недостаточно сильна в целом по стране, и с тем, что она должна утверждаться, согласны многие специалисты [7, с. 66].

Напротив, региональная идентичность в Калининградской области «сверху» практически не выстраивается. Область в лице ее правящей элиты не старается выделиться на фоне остальных российских регионов (многие из которых чрезвычайно активны в выстраивании региональных имиджей, в поиске и активном использовании выигрышных моментов регионального своеобразия, создании региональных мифов и культивирования региональной идентичности [7, с. 128]), несмотря на наличие объективных, очевидных и требующих реакции особенностей и проблем, «невписываемость» уникальной калининградской ситуации ни в какие схемы. Н. Петров в своем исследовании региональной идентичности всех российских территорий выставляет так называемой «высокой» (официальной, насаждаемой и демонстрируемой властями) региональной идентичности эксклавного региона среднюю оценку. «Низовая» же, неофициальная, неконъюнктурная, имеющая культурно-исторические корни получает высокую оценку [6,

с. 160, 163], что говорит о противоречивом влиянии политических институтов на региональную идентичность и даже характеризует ее как «не предполагавшийся побочный продукт институционального строительства» [8, с. 13].

Несмотря на меньшую значимость региональной идентичности для калининградцев по сравнению с российской и локальной, она все же гораздо важнее этнической. Как и многие россияне, жители самого западного российского региона значительно чаще осознают себя жителями соответствующей территории, нежели представителями своих этнических групп. Таким образом, административные границы оказывают определяющее воздействие не только на официальные, но и на обыденные идентификации [9, с. 108—115].

Усиление идентификации населения региона с локальными сообществами, судя по нашим данным, произошло прежде всего за счет жителей областного центра и сельской местности. У первых идентификация с городским социумом выросла за последние год-два очень сильно — очевидно, благодаря активизации процессов внутригородской жизни в связи с грядущим празднованием юбилея Кёнигсберга и, пожалуй, в еще большей степени в связи с дискуссиями вокруг этого празднования, отчетливо противопоставившими город федеральному Центру по оси «мы» — «они», что по определению должно было способствовать «обострению» локальной идентичности. У сельчан за последние пару лет идентификация с локальным сообществом также усилилась, что, на наш взгляд, связано с ухудшением уровня и качества жизни, вызывающим сплочение людей в небольших группах.

Для различных групп населения региона характерны разные иерархии и наложения идентичностей, что, с одной стороны, указывает на несформированность единого социума на территории области, с другой — подтверждает выводы исследователей о детерминированности идентификации социальными факторами, в том числе социальной структурой [7; 10, с. 47—76, 77—124]. Для «коренных» жителей (родившихся, выросших на территории области или, по крайней мере, проживших здесь большую часть жизни) региональная идентичность имеет большее значение, чем российская. И наоборот: «переселенцы» — жители региона, по-

павшие сюда сравнительно недавно и еще не укоренившиеся в областном социуме, — чаще идентифицируют себя со страной в целом.

То же можно сказать о «европейской» идентичности — ощущении себя европейцами, причислении себя к жителям Европы. В целом идентификация с европейцами занимает периферийные позиции в системе других идентификаций калининградцев, но для «местных», коренных жителей региона она важнее, чем для недавно переехавших сюда представителей других территорий. Относительно колебаний показателя европейской идентичности калининградцев в течение последних лет можно выдвинуть следующее предположение. Процессы формирования идентичности предполагают в том числе и поиск некоего значимого *другого* как оси идентификации — с положительным знаком (задающим направление культурного, институционального «импорта») либо с отрицательным (задающим противопоставление и отрицание «иногo», «чужогo»). Одним из вариантов значимых *других* для региональной идентификации (особенно для приграничных территорий) могут быть соседние государства, Европа или Запад как обобщенные конструкты [8, с. 21]. В случае с Калининградской областью этим *другим* стала Европа, которая поначалу воспринималась и оценивалась калининградцами позитивно. Соответственно мы фиксировали некоторое усиление европейской идентичности у жителей региона с 2001 по 2003 г. Затем, очевидно в связи с проблемами, которые обещало Калининградскому эксклаву вхождение соседних стран в Евросоюз, и в еще большей степени в связи с их обсуждением в определенном идеологическом ключе политиками федерального уровня, «плюс» сменился на «минус»: доля жителей региона, уверенно называющих себя европейцами, понизилась в 2004 г. до критического уровня. Заметим, что жители области, считающие себя европейцами, реже остальных говорят о потенциальных угрозах и об уже нанесенном ущербе со стороны расширяющегося Европейского сообщества.

Несмотря на сравнительную стабильность в сфере идентичности, не исключено ее постепенное изменение по ходу смены поколений: на сегодняшний день молодые жители региона имеют более слабую идентификацию со страной, но более сильную с ло-

кальным сообществом, регионом и Европой, чем старшее поколение калининградцев.

Изучая идентификацию с регионом и страной через удовлетворенность жизнью в соответствующих социумах, мы обнаружили, что удовлетворенность жизнью в Калининградской области значительно выше (максимальный и высокий уровень удовлетворенности продемонстрировала половина участников опроса 2004 г., наиболее низкий — одна десятая часть), чем удовлетворенность жизнью в стране (соответственно треть и четверть). То есть регион оценивается калининградцами как более благополучное и перспективное место жительства, нежели Россия в целом. Показательно, что такая оценка дается на фоне общего снижения удовлетворенности жизнью и связанного с ним ухудшения материального положения.

В ходе опросов также выяснилось, что жители региона в не меньшей, а порой и большей степени гордятся тем фактом, что они калининградцы, нежели тем, что они — россияне.

Таким образом, представляется оправданным охарактеризовать (вновь пользуясь терминами Н. Петрова) региональную идентичность калининградцев как «низовую» (идущую «от сердца» и учитывающую интересы индивидов), а их идентичность со страной в целом — как «высокую» (декларируемую, навязанную сверху).

Также можно сказать, что, будучи параллельно конструируемыми, региональная (по словам Н. Петрова, формирующаяся по «остаточному принципу», заполняющая «дефицит других проявлений идентичности» [6, с. 127]) и общероссийская (заметно превосходящая первую по всем регионам страны) идентичности для калининградцев являются несовместимыми и не сосуществующими в разных измерениях, как, например, в регионах, обследованных Л. Дробижевой [7, с. 47—76], а, скорее, альтернативными, конкурирующими. Будет эта конкуренция усиливаться или ослабевать, зависит в значительной степени от позиции государства, укрепление которого в последнее время позволяет исследователям прогнозировать тенденцию усиления общероссийской государственной идентичности. Однако они также отмечают, что речь пока не идет о гражданской идентичности, которая

возможна только при условии защиты государством интересов и прав граждан, независимо от конкретной территории их проживания, диалога государства с гражданским обществом; и только эта идентичность позволяет «надеяться на гибкую и прочную общероссийскую консолидацию» [7, с. 74—75].

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Бернс Р. Я-концепция и воспитание. М., 1986.
3. Tajfel H., Fraser C. *Introducing Social Psychology*. N.Y.: Penguin Books, 1978.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд; Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995.
5. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1998. №4.
6. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.
7. Дробизева Л. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.
8. Гельман В., Хопф Т. Центр и региональные идентичности в России: рамки анализа // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.
9. Смирнягин Л. Территориальная морфология регионального общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999.
10. Сагитова Л. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.

В.Н. Абрамов

Типичное и специфическое политического
развития Калининградской области
в постсоветский период

Одной из центральных тем дискуссии, которая ведется в экспертном и политическом сообществе России по поводу Калининграда, остается соотношение общего и особенного в развитии балтийского эксклава страны. В явной или латентной форме данная проблема поднимается всякий раз, когда речь заходит о настоящем и будущем одного из немногих военных трофеев Советского Союза, перешедшего по наследству к Российской Федерации. Неоднократно повторяемая российскими политиками и специалистами фраза о том, что предоставление неких «льгот» Калининградской области нарушает права иных субъектов Федерации или вообще осуществляется за их счет, означает банальное отрицание специфики региона как таковой. Регулярно возникающие в калининградском политическом сообществе требования изменить статус области, настороженность в отношении политики федерального Центра, в свою очередь, свидетельствуют о том, что часть калининградцев, напротив, считает местные особенности доминирующим фактором нынешнего положения края.

Можно сказать, что очевидным и бесспорным даже для самых последовательных сторонников унификации отличием Калининградской области от остальных регионов России является ее уникальное геополитическое положение. Большая часть

страны расположена значительно дальше от Москвы, чем Калининград. Но это проблема, лежащая в хозяйственной плоскости, связана с развитием системы коммуникаций. Балтийская окраина отделена от остальной части России политически, границами НАТО и ЕС. Чисто техническое решение проблем взаимосвязи с «большой землей» здесь невозможно в принципе. Уже это обстоятельство порождает целый букет специфических черт в социально-экономическом и культурном развитии Калининградской области. Особенности существования местного социума, пережившего за неполные 60 лет две мощные миграционные волны (первая положила начало региональному сообществу, вторая привела к значительным переменам в его составе — только за последние 10 лет население области обновилось на треть) и находящегося в постоянном контакте с польско-литовским католическим окружением, не так бросаются в глаза, но находят свое проявление не только в наличии элементов местной субкультуры.

Высокий уровень политизации споров о специфике развития Калининградской области в постсоветский период, с одной стороны, расширяет число экспертов, вовлеченных в обсуждение. С точки зрения обывателя, дискуссия от такого развития событий только выигрывает, приобретая элемент сенсационности и скандальности. Но, с другой стороны, это неизбежно ведет к ангажированности позиций, искажению реальной картины. Эксперты, получающие информацию о регионе из вторых-третьих рук, плодят новые мифы, являющиеся результатом схематичного перенесения на неизвестный материал типичных публицистических схем. Свежим примером стало «открытие» М. Чернова, который в начале 2004 г. выяснил, что калининградцы не желают работать на заводах и фабриках родного края. Поэтому их заменили гастарбайтеры из других частей страны [1]. От авторов данной публикации потребовались определенные интеллектуальные усилия для того, чтобы восстановить схему появления этого вывода. Термин «мигранты», который используется для обозначения представителей постсоветской волны переселенцев в Калининградской области, был расшифрован М. Черновым «по-московски». Так переселенцы стали гастарбайтерами, а челноки из российско-литовского

и российско-польского пограничья — «удачливыми калининградцами, работающими в западных странах».

На наш взгляд, качество дискуссии выиграло бы от замены эмоциональных клише и стереотипов объективным анализом. Часто сторонники противоположных точек зрения не дают себе труда осмыслить базовые элементы собственных воззрений, считая их чем-то само собой разумеющимся. Не способствует прояснению предмета обсуждения пестрота применяемых моделей типологизации. Попробуем в качестве примера сопоставить политическое развитие Калининградской области и эволюцию политического аспекта ее отношений с федеральным Центром с наиболее распространенными типами классификации политической жизни российской провинции после распада СССР.

Бросается в глаза, что общественно-политический процесс в регионах России не удается вписать в прокрустово ложе некоего общего лекала. Политика федерального Центра, перипетии политической борьбы в общенациональных масштабах, макроэкономические процессы служат мощными факторами интеграции государства. Их можно считать теми константами, которые одинаковы для всех регионов. Но даже при принятии этого достаточно условного тезиса (федеральные отношения в новейшей истории России знают примеры избирательного подхода к различным регионам) понятно, что в силу отличия в ресурсной базе субъекты Федерации не могут одинаково отвечать на одни и те же вызовы. Политическая регионалистика на эмпирическом уровне констатирует наличие различных моделей развития политического процесса в субъектах Федерации. Попытки их теоретического осмысления привели к формированию нескольких схем классификации.

Российская политическая регионалистика не избежала общей для гуманитарных наук страны в 90-е гг. черты — активного использования готовых концепций, разработанных зарубежными экспертами. Так, в качестве «эвристической рамки» для подхода к изучению политической жизни российской провинции некоторые исследователи используют «метафору замка», предложенную американским автором Кеном Джовитта еще в конце 80-х гг. прошлого века. При этом подчеркивается, что речь идет именно об

образе, который «не предполагает объяснения, а тем более обоснования этой реальности, поскольку не обладает концептуальной глубиной и содержанием... В нашем случае “замок” есть понятие, отражающее самосознание в переходном контексте той или иной политической единицы — нации, региона и т. д.» [2, с. 270].

Схема К. Джовитта состоит в том, что политическая элита в условиях нестабильности, возникшей после крушения советского блока, пытается оградить контролируемое ею пространство от царящей вокруг анархии. С этой целью она навязывает обществу представление о некой новой идентичности и общности целей («возвращение в Европу», «создание/восстановление независимого государства» и пр.). Данный маневр позволяет ей расширить свою базу и обеспечить доминирование в строящейся политической системе. После консолидации сообщества элита начинает осторожно искать контакты с внешним миром — «наводить мосты и осушать рвы».

Можно согласиться с тем, что в условиях слабости институтов центральной власти в первой половине 90-х гг. на просторах страны развернулось активное «замкостроительство», которым с различной степенью успеха занялись региональные «бароны». Кроме крайнего случая — Чечни, — остальные провинциальные акторы ограничились формированием «политических машин», обеспечивавших сохранение власти в их руках (Татарстан, Башкирия, Дагестан, Свердловская область, Москва, Приморский край).

Но в отношении Калининградской области «метафора замка» не срабатывает. В начале 90-х гг. здесь никто не собирался сознательно изолироваться от общероссийского хаоса. Регион оказался отрезанным от остальной части страны в результате глобальных геополитических изменений в Центральной Европе. Проблема «наведения мостов», сохранения и укрепления связей с федеральным Центром была доминирующей в массовом сознании калининградцев на протяжении всего постсоветского периода. Превращение области в российский анклав внутри НАТО и ЕС пока только поддерживает центростремительную ориентацию регионального самосознания. При этом речь не идет о реакции на эффективную политику федерального Центра. Синдром «враждеб-

ного окружения» заставляет демонстрировать повышенный уровень лояльности не к реальной Москве, а скорее к некоему мифу, идеологическому фетишу. Если процесс адаптации к новому геополитическому положению пройдет спокойно, а центральные институты власти сохраняют нынешний уровень и качество политики на калининградском направлении, то со временем можно ожидать постепенной эрозии безусловной лояльности в отношении федерального Центра со стороны новых поколений калининградцев. «Замок» начнут строить снизу.

«Метафора замка» не годится для серьезного анализа политической жизни регионов в силу многих причин. В первую очередь потому, что в данной схеме игнорируется важный элемент общественной эволюции посткоммунистической России — активная роль нарождающегося слоя предпринимателей не только в экономической сфере, но и в борьбе за власть. Между тем близость к административным ресурсам играла основную роль в форсированном процессе возникновения крупного капитала. Конвертация власти в собственность превращала первую в желанный объект для различных финансово-промышленных групп. С учетом данного обстоятельства построена следующая классификация развития политической жизни в провинции. В ней выделены два базовых типа: «сильный» и «слабый» рынок. При этом под рынком понимается не совокупность институтов регулирования спроса и предложения, а наличие ресурсной базы (полезные ископаемые, мощность финансовых потоков, степень развития промышленности и сервиса). В каждом классе выделялись три вида кластеров: открытый, полузакрытый, закрытый. Эта характеристика содержала обобщенную оценку уровня контроля со стороны политической элиты и наиболее влиятельных групп бизнес-сообщества над общественной и хозяйственной жизнью «своего региона», уровень консолидации финансово-промышленных групп. В первую очередь речь шла об эффективности противодействия нашествию «чужих» капиталов. Уровень открытости в этой типологии представляет собой более изменчивую величину, так как учитывает не только возможности региональных акторов, но и политику внешних ФПГ, способных осуществлять насильственное «открытие» бывших провинциаль-

ных «замков». Особенно в случае внутреннего раскола региональной элиты [3, с. 36].

Калининградская область может быть классифицирована как «слабый» рынок. Особых запасов природных ископаемых (помимо янтаря) здесь нет. Базовые отрасли промышленности советского периода — рыбная, целлюлозно-бумажная, оборонная — после распада СССР оказались в сложном состоянии. Проблемы, нараставшие еще до 1991 г., переросли в полномасштабный кризис. В начале 90-х гг. калининградский бизнес находился на стадии формирования, о появлении сколько-нибудь стабильных финансово-промышленных групп регионального уровня можно было говорить лишь в сослагательном наклонении. Что же касается характеристики открытости региона, то здесь напрашивается определение калининградского рынка как «забытого». У местной политической и хозяйственной элиты не было сил и возможностей для «закрытия» калининградской экономики в начале постсоветского транзита. Но внешние инвесторы — как российские, так и зарубежные — не торопились всерьез заниматься капиталовложениями в регион с неопределенным статусом. Мы имели слабый открытый рынок, на который никто не стремился. В условиях слабости собственных акторов и вялого интереса внешних ФПГ на развитие политической жизни в регионе оказывали значительное влияние случайные факторы. Такие, можно утверждать, что личная неприязнь некоторых (причем далеко не первых) сотрудников Б. Ельцина к первому губернатору области Ю. Маточкину стоила тому поста губернатора.

Во второй половине 90-х гг. окружение губернатора Л. Горбенко попыталось перейти к режиму «полузакрытого» рынка. Получила распространение идеология самодостаточности, были предприняты попытки превратить регион в некую закрытую корпорацию. Изменения в политической стратегии было во многом обусловлены тесными связями верхнего эшелона административных структур с торговым капиталом, активно использовавшим механизм ОЭЗ для получения сверхприбыли. Но закрыть регион в конце 90-х гг. не удалось. Чрезмерная поддержка близких к власти кланов торговой буржуазии спровоцировала объединение большинства остальных хозяйственных акторов на основе нега-

тивного консенсуса в отношении Л. Горбенко. На руку антигубернаторскому альянсу сыграло очевидное недовольство новой администрации Кремля специфическими чертами управленческого стиля второго губернатора балтийского эксклава. В результате Калининградская область стала чуть ли не единственным субъектом РФ, где за девять лет сменилось три руководителя исполнительной власти.

Оживление промышленности региона после дефолта 1998 г. не привело к принципиальным переменам в местном предпринимательском сообществе. По-прежнему его лицо определяет крупный и средний капитал регионального происхождения, а не федеральные холдинги. Представители общероссийских структур, таких как «ЛУКОЙЛ» и РЖД, не замечены до сих пор в борьбе за исключительное влияние на местную власть. Их вполне устраивает роль ее привилегированных партнеров. Подобная сдержанность не в последнюю очередь объясняется небольшой ролью региона в общей деятельности «ЛУКОЙЛа» и РЖД, а также тем, что данные холдинги контролируются государством. Поэтому их калининградский менеджмент ограничен в своей политической активности.

Развитие новых для Калининградской области отраслей производства, в первую очередь «отверточных», привело не только к оживлению общественно-политической деятельности промышленного бизнеса, но и к возрождению настороженных настроений в отношении внешних инвесторов. Речь идет в первую очередь о российских капиталах. Национальным ФПП стало тесно в столице и ее окрестностях. Кроме того, промышленный подъем открывал новые сферы деятельности помимо привычных валютно-финансовых спекуляций и внешне-торговых операций. Шумиха вокруг калининградской проблемы заставила многих обратить внимание на «забытый» рынок заграничной территории России. Уже первые признаки активизации внешних игроков вызвали раздраженную реакцию калининградского бизнеса. Выяснилось, что «стенания» по поводу нехватки инвестиций носят во многом ритуальный характер. Подлинные настроения «акул» предпринимательского сообщества точно выразил один из его представителей. Он об-

разно отметил, что у «нас слишком маленькая песочница и все места в ней уже поделены». Именно поэтому проект нового федерального закона об ОЭЗ, разработанный группой И. Шувалова, вызвал негативную реакцию калининградского бизнеса. Его лидеры в штыки приняли схему, ориентированную на поддержку крупных по местным меркам хозяйственных проектов. Представляется, что подобная тактика обречена на провал. Перспективы стабильного роста калининградского хозяйственного комплекса связаны с его коренной модернизацией и развитием контактов с европейским и российским бизнесом. У нас нет шансов для изолированного развития. В условиях глобализации строить такие планы просто наивно.

По мнению большинства исследователей, занимающихся изучением политической жизни провинции в постсоветской России, ее наиболее разработанная типология принадлежит питерскому эксперту В. Гельману. Он выделяет четыре модели развития событий [4, с. 54]. Первая — «сообщество элит». Данный сценарий предполагает наличие доминирующего актора, который, однако, не обладает монополией на региональные административно-политические и хозяйственные ресурсы. С другой стороны, силы, не входящие в правящую группу, не настроены на решительную борьбу с ней при условии учета их интересов. Результатом становится своеобразное картельное соглашение, обеспечивающее спокойный характер общественно-политической жизни в провинции.

Вторая модель — «война всех против всех». Ситуация предполагает отсутствие доминирующей группы в регионе. Поэтому к власти приходят альянсы различных сил, ситуативно объединенных в борьбе с существующей властью. После ее смены коалиция разваливается и начинает формироваться новый блок на базе все того же «негативного консенсуса». Нестабильность приобретает перманентный характер, что негативно сказывается на темпах социально-экономического развития.

Третья модель — «победителю достается все». Характерна для регионов, в которых правящая группа обеспечила себе полное доминирование на административном и хозяйственном поприщах. Оппозиция бессильна, электоральные процедуры имеют фор-

мальный характер. Институционный дизайн в минимальной степени удален от советского образца.

Четвертая схема — «борьба по правилам». В провинции существует несколько центров влияния, уравнивающих друг друга. После нескольких туров «войны всех против всех», когда в проигрыше оказывается большинство участников борьбы, политические и экономические акторы приходят к пониманию необходимости придерживаться неких процедурных правил. Это ведет к уменьшению напряженности и не только гарантирует некую предсказуемость общественно-политического процесса, но и позволяет всем его участникам рассчитывать на сохранение своих ресурсов даже в случае поражения. Последний вариант ближе всего к так называемой «элитарной демократии». Дезинтеграция региональной элиты в сочетании с отказом от наиболее brutальных методов борьбы с оппонентами создает почву для формирования зачатков конкурентной политической системы: политической оппозиции, относительно независимых средств массовой информации, ответственности власти перед населением. Электоральному процессу возвращается его реальный смысл. Хотя на практике выбор избирателя ограничен узким набором представителей конкурирующих региональных кланов, но все равно это выбор. О передаче власти «по наследству» в данной ситуации речи быть не может.

Как уже отмечалось выше, в Калининградской области нет доминирующих акторов. Поэтому варианты «победителю достается все» и «сообщество элит» не подходят для характеристики хода политического процесса в балтийском эксклаве. Велик соблазн классифицировать местную ситуацию как «борьбу по правилам» и провозгласить регион одним из центров демократии в российской провинции. Но активное использование любых технологий в борьбе с оппонентами, бесконечные информационные войны, формирование целого слоя профессиональных «солдат пера», готовых предложить свои услуги любому заказчику, не позволяют дать столь лестную характеристику общественно-политической жизни Калининградской области. Можно напомнить, что «чистые» типы имеют место только в сознании исследователя, а реальная действительность гораздо богаче акцен-

ками, чем самая подробная схема. Региональный политический процесс в Калининграде сочетает в себе отдельные черты «войны всех против всех» и «борьбы по правилам». Значительная роль, которую играет позиция тех или иных кремлевских группировок при определении окончательного расклада сил в ходе региональных избирательных кампаний, объясняется уникальным геополитическим положением заграничной территории России. Оно способствует тому, что местное общественное мнение более чутко реагирует на нюансы в отношении федерального Центра к тем или иным региональным политическим фигурам.

Вместе с тем мы считаем необходимым подчеркнуть, что вышеупомянутая черта не должна рассматриваться как некая постоянная данность. Это ситуативная характеристика, отражающая нынешний уровень общественного сознания и степень эффективности региональной элиты. К сожалению, последняя далеко не всегда адекватно реагирует на новые вызовы, склонна к продолжению междоусобной борьбы даже перед лицом общей опасности. Представляется, что верхний эшелон калининградского административно-политического и хозяйственного корпуса в целом не выделяется особо в позитивную или негативную сторону по сравнению с аналогичными стратами в других провинциальных районах России. В этом отношении он типичен и легко поддается классификации даже с помощью того несовершенного инструментария, который был приведен выше. Проблема состоит в том, что перед региональным сообществом стоят очень серьезные задачи, значительно отличающиеся от тех проблем, которые решают, например, власти и бизнес-сообщество Центрального Черноземья. Мы не говорим о том, что вопросы развития Курской или Орловской области проще и легче калининградских вызовов. Они просто другие. А наши проблемы нетипичны для иных частей страны. И в этом видится основное противоречие калининградской политической жизни: как долго типичная постсоветская региональная элита сможет управлять сообществом, оказавшимся в нетипичной ситуации? Найдет ли нынешняя генерация калининградских политиков и бизнесменов возможность трансформироваться до состояния, адекватного требованиям времени? Или потребуется полное обновление общественной и экономической

арены, обусловленное усилением неконформистских настроений регионального социума? Пока на эти вопросы нет очевидных ответов, но уже ближайшие пять лет покажут, в какой степени региональная специфика воздействует на тенденции развития общественно-политических процессов в Калининградской области.

Список литературы

1. *Чернов М.* Немцы придумали, что делать с Калининградом // RBC daily: политика. 2004. 21 янв.
2. *Магомедов А.К., Кириченко М.М.* От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия // Феномен Владимира Путина и российские регионы. Саппоро, 2004.
3. *Авдонин В.С.* Рязанская область: от «централизма Ельцина» к «централизму Путина» через «антицентралистскую девиацию» // Феномен Владимира Путина и российские регионы. Саппоро, 2004.
4. *Гельман В.* Успехи и проблемы переходов к демократии: политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. М., 2000.

Об авторах

Клемешев Андрей Павлович — ректор Калининградского государственного университета, научный директор БалтМИОНа.

Чекалина Татьяна Николаевна — заместитель начальника отдела стратегического планирования УНИРа Калининградского государственного университета.

Гареев Тимур Рустамович — помощник ректора Калининградского государственного университета по стратегическому планированию.

Жданов Виталий Петрович — начальник Главного управления экономического развития и торговли администрации Калининградской области.

Алимпиева Анна Викторовна — директор Социологического центра Калининградского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Абрамов Владимир Николаевич — начальник отдела информационно-аналитического управления Главного управления международных дел и внешнеэкономических связей администрации Калининградской области.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОНов), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231.

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развитию творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и пу-

тешественника XIX века, который своими исследованиями и книгами о России сыграл важную роль в улучшении понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и с наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению их результатов, просвещения и профессиональной подготовки, практической деятельности.

Научное издание

Регион сотрудничества
Вып. 17 (42)

Регион в условиях глобализации

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Е.В. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен И.А. Хрустальевым

Подписано в печать 30.12.2004 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 4,6. Уч.-изд. л. 3,6.
Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Калининградского государственного университета
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14